

ведливо то, что пишетъ онъ, то почему онъ побоялся публичности? если ложно, то зачѣмъ писалъ? Когда-то мальчишками мы читали: «Думаю, что безразсудному свойственно писать что либо, что хотѣлъ бы скрыть». (Cicero lib 1 Academ. Quaest.). Спрашивается: что это за оскорбленіе? чего они неистовствуютъ, чего безумствуютъ? Что я оттолкнулъ напыщеннаго панцириста, что не захотѣлъ похвалъ отъ коварныхъ устъ, что подъ личиною друга понялъ ковы врага? Во введеніи я называюсь братомъ и товарищемъ, и довольно явно высказываются мои преступленія, — что я писалъ, какими похвалами возносятся Оригена на небо. Говорить, что онъ сдѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ. А какимъ же образомъ теперь, какъ врагъ, онъ ставитъ мнѣ въ вину то, за что прежде, какъ другъ, хвалилъ? Онъ хотѣлъ въ переводѣ подражать мнѣ, какъ предначинателю, и заимствовать авторитетъ для своего труда отъ моихъ произведеній. Достаточно было однажды сказать, что я писалъ. Какая была надобность одно и тоже повторять въ другой разъ и часто упоминать, и какъ будто никто не вѣритъ его похваламъ, приводить самыя выраженія? Похвала, столь заботливая о томъ, чтобы вѣрили ей слушатели, не искренняя и не чиста. Чего онъ убоялся, какъ бы ему не повѣрили въ востхваленіяхъ меня безъ приведенія моихъ словъ? Бидите, что мы понимаемъ его мудрость, понимаемъ, что часто упражнялся онъ въ пріемахъ сатирическаго панциризма. Не можетъ онъ показаться некренимъ тамъ, гдѣ выдаетъ себя художникомъ въ хитрости. Пусть будетъ случайшюстью допустить заблужденіе однажды, много дважды; но зачѣмъ онъ умно заблуждается и часто, и такъ чрезъ все сочиненіе проводитъ заблужденіе, чтобы мнѣ нельзя было отрицать того, что онъ хвалитъ? Человѣкъ разсудительный и другъ долженъ бы былъ, по прекращеніи недоразумѣнія, избѣгать и легкихъ подозрѣній, чтобы не показалось, что сдѣланное имъ случайно, сдѣлано

съ намѣреніемъ. Поэтому и Туллій въ Комментаріяхъ обвиненій за Табиціи говоритъ: «И всегда думалъ, что съ высочайшею святостію и вѣрностію должно охранять какъ всякую дружбу, такъ въ особенности ту, которая возстановлена послѣ вражды: потому что нарушеніе долга при неразрывной дружбѣ оправдывается извиненіемъ неразумія, или (чтобы сказать сильнѣе) небрежности; а сдѣланное послѣ примиренія считается дѣломъ не небрежности, а умысленнаго нарушенія дружбы и обыкновенно приписывается не неразумію, а вѣроломству». И Флаккъ Гораций въ писемѣ, которое пишетъ къ Флору, сказалъ: «худо починаемая любовь никакъ не сходится и разрывается».

2. Какая мнѣ теперь польза, что онъ клянется, что онъ искренно заблуждается? Вотъ мнѣ ставятъ въ вину похвалы его и вмѣняется въ преступленіе неискреннее, нечистое восхваленіе искреннѣйшаго друга. Если онъ предуготовлялъ актористъ для своего произведенія, желая показать кому онъ слѣдовалъ, то былъ у него Иларій Исповѣдникъ, переводшій почти сорокъ тысячъ стиховъ Оригена на Іова и Псалмы; былъ у него Амвросій, коего все почти книги наполнены рѣчами Оригена, и мученикъ Викторинъ, который доказываетъ въ Оригенѣ свою простоту, не замышляя ковъ ни противъ кого. О всѣхъ ихъ онъ молчитъ, и какъ бы оставивъ безъ вниманія столпы церкви, меня одного маленькаго и ничтожнаго человѣка преслѣдуетъ по угламъ. Развѣ быть можетъ онъ будетъ вѣстаться, что онъ ихъ не зналъ по той же простотѣ, съ какою по невѣдѣнію обвинилъ друга? Но кто повѣритъ ему—человѣку весьма ученому, такому знатоку древнихъ, особенно греческихъ, писателей, что гоняся за чужими, онъ какъ бы потерялъ свое,—что онъ не знаетъ новѣйшихъ писателей и именно латинскихъ? Изъ этого видно, что не столько я похваленъ имъ, сколько они не обвинены,—такъ что эта похвала ли, какъ онъ старается увѣрить

неразумныхъ, или обвиненіе, какъ я чувствую по боли моей раны, таковы, что я ни при похвалѣ не имѣю славы, ни при порицаніи не имѣю утѣшенія въ совѣстникахъ.

3. У меня въ рукахъ письма ваши, въ которыхъ вы пишете, что я обвиненъ, и просите отвѣчать обвинителю, чтобы не показалось, что я признаю вину, если бы сталъ молчать. На письма эти, признаюсь, я отвѣтилъ, и хотя былъ оскорбленъ, но настолько сохранилъ требованіе дружбы, что защищаю себя безъ обвиненія обвиняющаго, и относительно того, въ чемъ обвинялъ меня одинъ другъ въ Римѣ, я представлялъ себя обвиняемымъ многими во всемъ мірѣ врагами, чтобы казалось, что я отвѣчаю не личности, а на обвиненія. Неужели же я, бывъ обвиненъ, по закону дружбы долженъ былъ молчать, и имѣя лицо въ грязи и такъ сказать обрызганное еретическимъ зловоніемъ, даже простою водою не долженъ былъ умыть его, чтобы не показалось, что онъ меня обидѣлъ? Это отношеніе и не человѣка и не къ человѣку—явно называть другомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ личиною хвалителя выставить его вину, и не предоставлять ему возможности даже доказывать свое православіе и отвѣчать, что похвала еретикъ, которую ставятъ ему въ вину, произошла не отъ сочувствія къ его ереси, а отъ удивленія къ его уму. Ему захотѣлось, или, какъ самъ онъ хочетъ казаться, онъ вынужденъ былъ переводить на латинскій языкъ то, чего не хотѣлъ. Какая же была надобность втягивать въ дѣло меня, укрывшагося и раздѣленнаго такимъ пространствомъ моря и земель, выставить меня противъ ненависти многихъ, чтобы болѣе мнѣ повредить похвалою, чѣмъ себѣ принести пользу моимъ прямымъ? И теперь, такъ какъ я отказался отъ его похвалъ и перевернувъ стиль показать, что я не таковъ, какимъ описалъ меня мой пріятель,—теперь, говорятъ, онъ бѣсится и составляетъ противъ меня съ аттическимъ искусствомъ три книги, за то самое обвиняя меня, за что

прежде хвалить, и ставя мнѣ въ виду въ переводѣ Оригена его несчастныя мнѣнія,—въ переводѣ, о которомъ въ предисловии панигирика своего говорилъ: »я буду слѣдовать правилу предшественниковъ и особенно того мужа, о которомъ упоминается выше,—который, переведши на латинскій языкъ болѣе сорока книжекъ Оригена, названныхъ пятью гомилетическими, перевелъ и нѣсколько изъ его сочиненій на Апостолъ: въ нихъ, если и встрѣчаются на греческомъ нѣкоторыя соблазнительныя мѣста, при переводѣ онъ все сгладило и очистило, такъ что латинскій читатель не находитъ въ нихъ ничего, что разногласило бы съ нашею вѣрою. Итакъ и мы, по возможности, слѣдуемъ этому мужу, хотя не по силѣ краснорѣчія, а по правиламъ дисциплины.«

4. Опъ не можетъ отрицать, что это подлинно его слова. Самое изыщество стили и стройная рѣчь, и, что болѣе этого, христіанская простота, указываютъ черты своего автора. Иное дѣло, если это перорталъ Евсевій и обвинитель Оригена и пристрастный къ мнѣ засвидѣтельствовавшъ, что въ одномъ и томъ же произведеніи и онъ и я или заблуждались или правильно мыслили. Теперь недругъ мой не можетъ называть еретикомъ меня, о которомъ давно сказалъ, что я не разногласю съ сою вѣрою. Въстѣ съ этимъ спрашиваю у него и о томъ, что значить эта воздержная и двусмысленная рѣчь? Латинскій читатель, говоритъ, не найдетъ въ нихъ ничего, что бы разногласило съ нашею вѣрою. Какую вѣру опъ называетъ своею? Ту ли, которую сильна римская церковь, или ту, которая содержится въ сочиненіяхъ Оригена? Если отвѣтитъ: римскую, то слѣдовательно я, ничего не переведши изъ заблужденій Оригена, православенъ. А если вѣра его—богохульство Оригена, то, обвиняя меня въ непостоянствѣ, онъ показываетъ себя еретикомъ. Или право вѣруетъ хвалитель мой и своимъ испо-

вѣданіемъ меня принимають въ сообщника, или неправо и показывается, что прежде онъ хвалилъ меня потому, что считалъ соучастникомъ своего заблужденія. Но я постараюсь отвѣтить противъ тѣхъ книгъ, которыя распространяются по угламъ и съ воровскимъ плутичствомъ задѣваютъ меня, такъ какъ онѣ изданы и вышли изъ тьмы на свѣтъ и могли дойти до насъ по любви ли братій или по неразумію соперниковъ. Ибо книги эти не должны быть очень страшны, если авторъ ихъ побоялся издать ихъ и назначилъ для чтенія только сообщникамъ. Тогда я или признаю обвиненія, или разсѣю, или обличу обвинителя въ томъ, въ чемъ онъ обвиняетъ меня, и покажу, что мое до сихъ поръ молчаніе было слѣдствіемъ скромности, а не признанія виновности.

5. Между прочимъ я хочу быть очищеннымъ предъ безмолвнымъ судомъ читателя и опровергнуть самое важное между друзьями обвиненіе, чтобы онъ видѣлъ, что первый оскорбилъ не я, который и получивъ рану не направилъ стрѣлы противъ преслѣдователя, а только приложилъ руку къ своей ранѣ. Прошу читателя, чтобы безъ предубѣжденія къ лицамъ, онъ сложилъ вину на того, кто сдѣлалъ нападеніе и не довольствуясь оскорбленіемъ, составилъ противъ меня, какъ будто безъязычнаго и навсегда безмолвнаго, три книги и сработалъ относительно моихъ сочиненій *ἀντιθέσεις* Маркіона. Душа жаждетъ узнать и его сверхчашніи ученость и мое неожиданное безуміе. Быть можетъ, онъ въ короткое время научился тому, чему долженъ насъ научать, и внезапная рѣка краснорѣчіяпокажетъ никѣмъ неподозрѣвавшимся въ немъ знанія. *Такъ отецъ его дѣлаетъ Богомъ, такъ великій Іисусъ* (Изъ Виргил. кн. X. Энеид.). Пусть же онъ начинаеть сраженіе. Хотя онъ взялъ на перевѣсъ копья своего обвиненія и набросился на насъ всѣми силами, но мы вѣруемъ въ Господа Спасителя, что покрѣсть насъ

щитомъ истина Его и мы будемъ въ состояніи восстѣть съ Псалмопѣвцемъ: *стрѣлы младенецъ быша язвы ихъ.* (Пс. 63, 8) и: *еще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: еще встанетъ на мя брань, на него азъ уповаю* (Пс. 25, 3, 4). Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь возвратимся въ тому, о чемъ начали.

6. Сторонники его нападаютъ на меня *и не имѣющіе удачи въ дѣлахъ приготавливаютъ мельничныя снаряды* (Энеид. кн. 1),—зачѣмъ я перевелъ на латинскій языкъ зловердныя и противныя церковной вѣрѣ книги Оригена *περί Ἀρχῶν*. Отвѣтъ имъ короткій и сжатый: Меня побудили твои, братъ Паммахій, письма и пыгма твоихъ, извѣщавшія, что эти книги лживо переведены другими и пѣчто въ нихъ выброшено, пѣчто или прибавлено или измѣнено. И чтобы я не имѣлъ недовѣрія къ письмамъ, вы прислали экземпляры того перевода съ предисловіемъ похваляющимъ меня. Когда я прочиталъ это и сличилъ съ греческимъ, то тотчасъ замѣтилъ, что нечестиво сказанное Оригеномъ объ Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ и чего не могла выносить римскія уши, переводчикомъ измѣнено въ болѣе хорошую сторону, а прочія мнѣнія о паденіи ангеловъ, о ниспаденіи душъ, о чудесахъ воскресенія, о мірѣ или Елижуровыхъ чередующихся мірахъ, о восстановленіи всѣхъ въ одинаковое состояніе, и гораздо худшее этого, что долго было бы повторять здѣсь,—или такъ перевелъ, какъ написалъ на греческомъ, или изложилъ болѣе пространно и доказательно по комментаріямъ Дидима, отъявленнѣйшаго защитника Оригена,—чтобы видѣвшій Оригена въ ученіи о Троицѣ православнымъ, не боялся его какъ еретика въ прочихъ пунктахъ.

7. Иной, не бывшій его другомъ, пожалуй сказалъ бы: или все измѣняй что худо, или все издавай, что считаешь прекраснымъ. Если для людей простыхъ ты отѣкаешь все вредное и то, что представляешь привнесеннымъ еретиками, не хочешь пе-

рсносить на чужую рѣчь, то я уступлю тебѣ во всемъ что вредно. А если въ переводѣ ты сохранишь истинную вѣру, то замѣшное переиначишь, а иное оставишь нетронутымъ, хотя въ томъ же Прологѣ ты открыто сознаешься, что дурное ты исправилъ, а лучшее оставилъ? На основаніи этого тебѣ не какъ свободного переводчика, а какъ самостоятельнаго писателя будутъ обличать, если что нибудь изъ переведеннаго окажется еретическимъ, и будутъ обвинять въ явномъ преступленіи, — что ты хотѣлъ чашу съ ядомъ обмазать медомъ, что бы обманчивая сладость прикрывала самую злую отраву. Вотъ что и гораздо болѣе этого жесткое сказать бы врагъ и привлечь бы къ суду церкви тебѣ не какъ переводчика дурнаго произведенія, а какъ единомышленника. А я, довольствуясь тѣмъ, чтобы защитить себя самого, (скажу, что) я перевелъ просто то, что заключалось на греческомъ въ книгахъ перс. 'Архѣв, — не для того, чтобы читатель вѣрилъ тому, что я переводилъ, но для того, чтобы не вѣрилъ тому, что ты переводилъ прежде. Въ трудѣ моемъ была двоякая польза, — поелику и выдается еретикъ авторъ, и обличается пскѣрный переводчикъ. И чтобы кто нибудь не считъ меня сочувствующимъ переведенному, неудобство перевода я оградилъ введеніемъ и показать, чему читатель не долженъ былъ вѣрить. Первый переводъ содержитъ похвалу автору, второй — порицаніе. Тотъ вызываетъ читателя вѣрить, этотъ побуждаетъ не вѣрить. Тамъ и я невольно оказываюсь одобряющимъ, здѣсь я настолько не одобряю того, кого перевожу, что вынужденъ обвинять одобряющаго. Одно и тоже дѣло сдѣлано не съ одною и тою же цѣлю; еще болѣе — одинъ путь имѣлъ различныя походы. Онъ уничтожилъ что было, говоря, что это извращено еретиками, и прибавилъ чего не было, увѣряя, что объ этомъ говорено было Оригеномъ въ другихъ мѣстахъ, — чего не будетъ въ состояніи доказать, если не укажетъ самыхъ мѣстъ,

откуда, по его словамъ, онъ переводилъ. Я заботился ничего не измѣнять изъ подлинника. Ибо я переводилъ для того, чтобы обличить худо переведенное. Признаете меня переводчикомъ? Я былъ предателемъ, предалъ еретика, чтобы защитить отъ ереси церковь. Почему я хвалилъ Оригена кое въ чемъ, — это показываетъ книга предпосланная этому труду. Теперь дѣло идетъ объ одномъ моемъ переводѣ; если онъ сдѣланъ съ благочестивымъ намѣреніемъ, то я не долженъ терять обвиненіе въ нечестіи, выдавая нечестивое, что предлагалось церквамъ какъ благочестивое.

8. Я перевелъ на латинскій семьдесятъ книгъ его, какъ жалуется мой пріятель, и многое изъ томовъ. Изъ за труда моего никогда не было спора, никогда не волновался Римъ. Какая была надобность передавать латинянамъ то, чего гнушается и Греція, что порицаетъ весь міръ? И, столько дѣлъ переводившій такъ многое, никогда не служилъ соблазномъ. Ты, прежде неизвѣстный, сдѣлался извѣстенъ своимъ неразуміемъ съ перваго и единственнаго произведенія. Самое введеніе показываетъ, что тобою переведена и книга Памфила мученика въ защиту Оригена. И всѣми силами ты ведешь дѣло къ тому, чтобы церковь не отвергла того, чью вѣру одобряетъ Мученикъ. Евсеій епископъ Кесарійскій, пѣкогда предводитель аріанской ереси, написалъ въ защиту Оригена (какъ уже выше я сказалъ) шесть книгъ — пространнѣйшее и обработанное сочиненіе, — и многими свидѣтельствами доказалъ, что Оригенъ съ его точки зрѣнія православенъ т. е. съ нашей — аріанинъ. Первую изъ этихъ книгъ ты переводилъ подъ именемъ Мученика. И удивительно ли, если ты хочешь меня, человека малозначительнаго, сдѣлать хвалителемъ Оригена, когда ты наклеветалъ на мученика? И измѣнилъ смыслъ мѣста о Сынѣ Божіемъ и Духѣ Святомъ, которые по твоему убѣжденію не поправятся Римлянамъ, все прочее до конца ты оставилъ нетронутымъ, дѣланъ тоже са-

мое въ Аполоніи, какъ бы Памфиловой, что сдѣлалъ въ переводѣ Оригеновыхъ *περί Ἀρχόν.* Если та книга Памфилова, то изъ шести книгъ какая будетъ первая Евсевіева? Въ самомъ сочиненіи, которое ты должно признаешь Памфиловымъ, упомянуто о дальнѣйшихъ книгахъ. И во второй и въ остальныхъ книгахъ Евсевиі указываютъ на сказанное прежде въ первой книгѣ и говорятъ, что онъ не долженъ повторять одного и того же. Если все произведение Памфилово, то почему не переводить прочихъ книгъ? Если другого, то зачѣмъ перемѣняешь нѣя? Ты молчишь, но говорить самыя вещи: конечно для того, чтобы изърили мученику тѣ, кои будутъ отвращаться отъ предводимаго аrianъ.

9. Сказалъ бы я: гдѣ былъ у тебя умъ, простодушнѣйшій другъ? Какъ ты могъ поставить ими мученика на еретической книгѣ и несвѣдущихъ сдѣлать защитниками Оригена по уваженію къ мученику Христову? По учености, какою ты владѣешь и славилъ какъ знаменитый *σοφιστής* (писатель) на Западѣ, такъ что тебя называютъ корифеемъ всѣ твои сторонники,—я не думаю, чтобы ты не зналъ Евсевіевой *ὁμολογία* и того, что мученикъ Памфилъ не составилъ совершенно никакого сочиненія. Ибо самъ Евсевиі, другъ и почитатель и близко знавшій Памфила, написалъ три изидѣйшія книги съ описаніемъ жизни Памфила: въ нихъ, отзываясь о прочемъ съ удивительными похвалами и пречозною до небесъ его смиреніе, въ третьей книгѣ присокоупилъ и слѣдующее: «Кто изъ любомудрыхъ не былъ другомъ Памфила? Если онъ видѣлъ кого-нибудь нуждающагося въ необходимомъ для жизни, щедро снабжалъ чѣмъ могъ. И Писанія священныя онъ раздавалъ весьма охотно не для чести только, но и въ собственность. И не только мужчинамъ, но и женщинамъ, которыхъ видѣлъ предавшими чтенію. Поэтому приготовлялъ и много кодексовъ, чтобы раздавать желающимъ, когда потребуется. А самъ вовсе не

написать никакого собственного сочиненія, — исключая писемъ, которыми при случаѣ посылалъ къ друзьямъ: настолько онъ унижалъ себя по смирению. Творенія же древнихъ писателей читалъ весьма прилежно и постоянно пребывалъ въ размышленіи о нихъ».

10. Защитникъ Оригена и хвалитель Памфила говоритъ, что Памфилъ совершенно ничего не написалъ и ничего не составилъ самостоятельнаго. И это говорить уже когда Памфилъ былъ увѣчанъ мученичествомъ, чтобы ты не имѣлъ и того убѣжденія, что Памфилъ написалъ это послѣ изданія книгъ Евсеіемъ. Что тебѣ дѣлать? Твою книгу, которую ты издалъ подъ именемъ мученика, соблазнены совѣсти очень многихъ. Для нихъ не имѣетъ силы авторитетъ епископаго въ осужденіи Оригена, которого они считаютъ восхваленнымъ отъ мученика. Какое будутъ имѣть значеніе посланія епископа Θεοφιλα, какое — папы Анастасія, преслѣдующія еретика во всемъ мірѣ, когда книга твоя, изданная подъ именемъ Памфила, противорѣчитъ ихъ посланіямъ, и епископскому имени противопоставляется свидѣтельство мученика? Что сдѣлалъ ты въ книгахъ περὶ Ἀρχῶν, сдѣлай тоже и съ этимъ сочиненіемъ *φωτετισμένη* (ложно надписаннымъ). Послушай совѣта друга, не будешь раскаяваться въ своей выходкѣ: или скажи, что это сочиненіе не твое, или что оно искажено Евсеіемъ пресвитеромъ. Чѣмъ можетъ быть доказано тебѣ, что оно переведено тобою? Не связана рука твоя, и не такъ ты краснорѣчивъ, чтобы никто не могъ подражать тебѣ. И если дѣло дойдетъ до доказательства и противъ явнаго безстыдства будутъ напирать свидѣтельства очень многихъ, то пой наипроще на маперъ Стезихора. Лучше тебѣ отречься отъ своего дѣла, чѣмъ держать и мученика въ клеветѣ и обманутыхъ — въ заблужденіи. Не стыдись измѣнить воззрѣніе: ты не настолько авторитетенъ и знаменитъ, чтобы стыдиться, что впасть въ

заблужденіе. Подражай мнѣ, котораго очень много любишь, безъ котораго не можешь ни жить ни умереть, и кричи со мною то, что я восхваденный тобою сказалъ въ свою защиту.

11. Евсевій Кесарійскій епископъ, о которомъ я упомянулъ выше, въ пятой книгѣ Апологіи Оригена тоже самое ставитъ въ вину Меоодію епископу и мученику, въ чемъ ты обвиняешь меня въ похвалахъ мнѣ, и говоришь: какиѣмъ образомъ Меоодій осмѣлился теперь писать противъ Оригена, Меоодій, который то-то и то-то говорилъ о мнѣніяхъ Оригена? Не мѣсто теперь говорить за мученика, ибо нельзя разсуждать о всемъ во всѣхъ мѣстахъ. На этотъ разъ пусть будетъ достаточно порѣшить тѣмъ, что знаменитѣйшій и ученѣйшій мученикъ обвиняется человекомъ аріаниномъ въ томъ, за что ты меня и хвалишь, будучи другомъ, и обвиняешь, будучи оскорбленъ. Имѣешь поводъ и относительно настоящаго мѣста возвести на меня жалобу, почему я теперь порицаю Евсевія, котораго въ другомъ мѣстѣ прежде одобрилъ? Хотя другое имя Евсевія, но тоже обвиненіе, какое и относительно имени Оригена. Похвалилъ я Евсевія въ его Церковной Исторіи, въ разработкѣ хронологіи, въ описаніи Святой Земли, и перевелъи сама я эти сочиненьица на латинскій языкъ, далъ ихъ людямъ моего языка. Неужели я оттого аріанинъ, что Евсевій, составившій эти книги, аріанинъ? Если посмѣеши назвать меня еретикомъ, вспомни о твоёмъ введеніи къ п. 1 'Аруху, въ которомъ ты свидѣтельствуешь, что я твоей вѣры; и вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу терпѣливо выслушать жалобу бывшаго пѣкогда твоимъ другомъ. Ты воюешь съ другими,—или жалуешься на нихъ, или самъ терпишь. Обвиняемые тобою и обвиняющіе тебя изъ твоего званія; справедливо или напрасно,—вы увидите. Мнѣ непріятно и справедливое обвиненіе противъ брата; и я не упречаю другихъ, но говорю чего самъ не сдѣлалъ бы. Отдѣленный отъ тебя такимъ разстояніемъ странъ, чѣмъ я согрѣшилъ противъ тебя? чѣмъ про-

винился? Неужели моя защита есть обвиненіе тебя? И если ты не оригенистъ и не былъ имъ, то я вѣрю твоей клятвѣ; если былъ, то принимаю кающагося. За что же ты гнѣ-
вашься, если я тоже, что и ты, по словамъ твоимъ? Неужели за то, что я осмѣлился послѣ тебя переводить
книги Оригена περί 'Αρχῶν и мой переводъ считается уни-
женіемъ твоего труда? Что я могъ сдѣлать? Мнѣ прислана
похвала твоя т. е. обвиненіе меня. Ты восхвалялъ меня
такъ сильно и пространно, что если бы я уснокоился на
похвалахъ твоихъ, то всѣ меня считали бы еретикомъ.
Смотри, что содержитъ въ себѣ выдержка изъ письма ко
мнѣ изъ Рима: «Очисти подозрѣнія людей и обличи клевет-
ника, чтобы не показаться соглашающимся, если не обли-
чишь его» (*Письмо Паммахія и Океана*). Стѣсненный
такимъ положеніемъ, намѣревался переводить тѣже книги,
послушай что писалъ я: «Друзья мои (я не сказалъ: другъ
мой, чтобы не показалось, что я обличаю тебя) устроили
мнѣ то, что я, если буду молчать, буду признанъ винов-
нымъ, если буду отвѣчать, — врагомъ. И то и другое поло-
женіе непріятно, но изъ двухъ выберу что легче. Враждеб-
ныя отношенія можно поправить, богохульство не заслужи-
ваетъ прощенія» (*Письмо къ Паммахію и Океану*).
Видишь ли, что этотъ трудъ взваленъ на меня противъ
воли, при отказѣ съ моей стороны, и что будущая вражда
изъ за этого труда оправдывается извиненіемъ необходимости?
Если бы ты перевелъ книги περί 'Αρχῶν безъ моего имени, то
ты справедливо жаловался бы, что онъ послѣ переведенъ въ об-
личеніе тебѣ. А теперь ты несправедливо обижаешься, что я от-
вѣтилъ тебѣ тѣмъ сочиненіемъ, за которое я обвиненъ былъ
твоею похвалою. Ибо что ты называешь похвалою, то всѣ
понимаютъ какъ обвиненіе. Согласись, что ты обвинялъ, и
не будешь обижаться за то, что я отвѣтилъ. Положимъ, ты
писалъ съ добрымъ намѣреніемъ, и будучи невиннымъ и

другомъ вѣрнѣйшимъ, изъ устъ котораго никогда не выходило лжи, оскорбилъ меня по невѣдѣнію: что же изъ этого пользы для меня—оскорбленнаго? Неужели я потому не долженъ лечиться, что ты уязвилъ меня съ добрымъ намѣреніемъ? И лежку пораженный, зияеть рана въ груди, чистые прежде члены запачканы кровью, а ты мнѣ говоришь: не приблadyвай руки къ ранѣ, чтобы не показалось, что я равилъ тебя? Да и самый переводъ обличаетъ болѣе Оригена, чѣмъ тебя. Ибо ты исправилъ то, что, какъ думалъ ты, привнесено еретиками. Я изложилъ то, что, какъ гласить вся Греція, написалъ онъ самъ. Кто думаетъ справедливѣе,—и не мое и не твое дѣло судить. Пусть нависающее обонни нами выдержать судъ критики. Все то посланіе, которое я пишу въ свое оправданіе, направлено противъ еретиковъ и молхъ обвинителей; какое же дѣло тебѣ, который называешь себя и православнымъ и хвалителемъ моимъ, если я слишкомъ строгъ къ еретикамъ и обнаруживаю ихъ хитрости? Радуйся моему нападенію, чтобы не показаться еретикомъ, если будешь обижаться. Когда пишется анонимно противъ преступленій, то тотъ кто обижается, является обвинителемъ себя. Благоразумный человекъ, если бы даже обижался, долженъ бы былъ скрыть свое настроеніе и разсѣять лежаніа ча сердецъ туманъ ясностію лица.

12. Иначе, если все, что говорится противъ Оригена и его послѣдователей, ты относишь къ себѣ, то слѣдуетъ, что и посланія папы Θεοφιλα и Елифанія и другихъ епископовъ, которыя недавно по ихъ приказанію я перевелъ, тебя касаются, тебя уязвляютъ. И предписанія императоровъ, повелѣвающія изгонять оригенистовъ изъ Александріи и Египта, составлены по моему внушенію. Что первосвященникъ римскаго города съ удивительною ненавистію преслѣдуетъ ихъ—это было по моему совѣту. Что послѣ твоего перевода весь міръ возненавидѣлъ Оригена, котораго прежде чи-

талъ въ простотѣ, это сдѣлать мой стиль. Если я такъ силенъ, то удивляюсь, почему ты не боишься меня. Я, такой осторожный въ публичномъ письмѣ (*Письмо къ Руфину*), тщательно остерегавшійся, чтобы ты не принялъ чего нибудь сказаннымъ на свой счетъ, тотчасъ написалъ къ тебѣ краткое письмо, жадуясь на похвалы твои. Такъ какъ тебя не было въ Римѣ, то друзья мои не захотѣли послать тебѣ это письмо на томъ основаніи, что, говорили они, ты съ своими сторонниками распускаешь слухи о недостойной имени христіанина жизни моей. Конію этого письма я присоединилъ къ этой книгѣ, чтобы ты зналъ, какое оскорбленіе какою снисходительностію дружбы я смятилъ.

13. Кромѣ того я слышу, что ты кое-что изъ моего посланія разобралъ философски и, челоуѣкъ съ наморщеннымъ челоуъ и вздернутыми бровями, съ Плавтовскою солью смѣшавъ надо мною, что я называлъ своимъ учителемъ іудей Варраву. И неудивительно, если вмѣсто *Вар-анина*, въ чемъ есть нѣкоторое сходство буквъ, ты написалъ *Варраву*, когда ты съ такою вольностію измѣняешь имена, что изъ Евсевія сдѣлалъ Памфила, изъ еретика мученика. Нужно опасаться, и мнѣ особенно остерегаться, какъ бы ты вдругъ, невѣдомо для меня, не прозвалъ меня изъ Іеронима Сардианаломъ. Такъ послушай же, столпъ мудрости и образецъ Катонической строгости. Я сего не называлъ учителемъ, но хотѣлъ доказать свое изученіе священной Писанія, чтобы показать, что я въ такой же мѣрѣ читалъ Оригена, какъ и его слушалъ. Потому что не у тебя же я долженъ былъ учиться еврейскому языку. Неужели тебѣ нанесено оскорбленіе, если вмѣсто тебя я слѣдовалъ Аноллинарию и Дидиму? Неужели я въ томъ письмѣ не могъ назвать Григорія, мужа ученѣйшаго? Кто у латинянъ равенъ ему? Имъ какъ учителемъ я хвалюсь и горжусь. Но я указалъ только тѣхъ, которые упомянулись въ упрекѣ, чтобы показать, что я по-

добнымъ образомъ читалъ и Оригена, — не изъ-за истинности вѣры, а изъ-за учености. Самъ Оригенъ, и Климентъ и Евсевій и другіе очень многіе, когда разсуждаютъ о чемъ нибудь изъ Писанія и хотятъ доказать что говорятъ, обыкновенно пишутъ такъ: *говорила мнѣ Еврей, я слышалъ отъ Еврея, таково мнѣніе Евреевъ*. Вѣдь и Оригенъ называетъ патриарха Руимла, который былъ въ его времена, и тридцатый томъ на Исаію, въ концѣ котораго объясняетъ слова: *Горе тебѣ Аріэлъ, котораго побѣдилъ Давидъ* — заключаетъ его объясненіемъ, и говоря, что прежде онъ былъ другаго мнѣнія, сознается, что болѣе справедливое объясненіе онъ узналъ отъ него. И восемьдесятъ девятый псаломъ, который надписывается: *Молитва Моисея человека Божія* и прочіе одиннадцатъ, которые не имѣютъ надписанія, согласно съ мнѣніемъ Руимла, признастъ псалмами того же Моисея, и объясняя еврейское Писаніе, не считаетъ недостойнымъ въ каждомъ мѣстѣ приводить и то, что думаютъ Евреи.

14. Когда читаны были недавно письма Осфила, въ которыхъ онъ излагаетъ заблужденія Оригена, говорятъ, онъ затыкалъ уши свои и ясно предъ всѣми осудилъ виновника таковаго зда и сказалъ, что до того времени онъ не зналъ, что Оригенъ писалъ столь гнусныя вещи. Не обвиняю, не говорю, что другой могъ такъ быть сказалъ бы, — что онъ не могъ не знать того, чьи сочиненія переводилъ, Апологію за котораго, написанную еретикомъ, онъ издалъ подъ именемъ мученика, защитеніе котораго онъ высказалъ и во своемъ собственномъ сочиненіи; противъ этого я буду говорить ниже, если останется мѣсто для диктовки. Говорю то, чему онъ не можетъ противорѣчить. Если ему можно не понять того, что онъ перевелъ, то почему мнѣ нельзя не знать книгъ пері Архонъ, которыхъ прежде я не читалъ, и нельзя прочитать только Бесѣды, которыя я перевелъ, въ которыхъ, по свидѣтельству его же самого, нѣтъ ничего худого? А если, вопреки своему убѣжденію, онъ

теперь обвиняетъ меня въ томъ, за что прежде хвалилъ, то онъ будетъ поставленъ въ тупикъ и съ той и съ другой стороны. Ибо онъ или потому меня, еретика, похвалялъ, что былъ со мною одного мнѣнія, или теперь, будучи врагомъ, напрасно обвиняетъ меня, котораго прежде призналъ православымъ. Но можетъ быть онъ, какъ другъ, молчалъ о моихъ заблужденіяхъ, а теперь, разувѣвшись, заявляетъ о томъ, что прежде скрывалъ?

13. Хотя нестойкость не заслуживаетъ довѣрія и заявленія о враждѣ даютъ подозрѣніе во лжиности, однако я смѣло выступаю въ бой, желая узнать, что я написалъ еретическаго, чтобы или выѣсть съ нимъ раскаянъ и заѣрить, что я не зналъ дурныхъ сторонъ Оригена и теперь впервые отъ папы Феофила узнать о его нечестивыхъ мнѣніяхъ, или доказать, что я хорошо знаю эти мнѣсія, а онъ, по своему обычаю недоразумѣвается. Ибо не можетъ быть, чтобы въодпѣхъ и тѣхъ же книгахъ на посланіе къ Ефессимъ, которыя онъ, какъ слышу, порицаетъ, я сказалъ и хорошо и худо, и изъ одного и того же источника вышло и сладкое и горькое,—чтобы я во всемъ этомъ сочиненіи осуждавшій тѣхъ, кои вѣрують, что души созданы изъ ангелокъ, вдругъ забывшись зацѣпцалъ то, что прежде осудилъ. Онъ не можетъ выставить меня дуракомъ, меня, котораго въ своихъ сочиненіяхъ прославлялъ краснорѣчивѣйшимъ и учепѣйшимъ. Иначе, глупое пустословіе должно быть сочтено признакомъ скорѣе пустаго крикуна и болтуна, чѣмъ человека ученаго. Что собственно онъ обвиняетъ въ книгѣ, я не знаю. Ибо до меня дошли только слухи о его обвиненіяхъ а не сочиненія, и глупо, по апостолу, бить воздухъ кулакомъ. Однако буду отвѣчать на невѣрное, пока дойду до вѣрнаго: на старости поучу своего ἀντίκλην (противника) тому, что узналъ въ дѣтствѣ,—что есть много родовъ сочине-

Творенія блаженнаго Іеронима.

ній и что по свойству предмета разнообразятся не только мыслъ, но и выраженія сочиненій.

16. Хризиппъ и Антипатръ вращаются среди терній. Димосеенъ и Эсхинъ бросаютъ другъ въ друга молніи. Лизій и Псократъ лѣются пріятно. Въ каждомъ удивительное разнообразіе, но все совершенны въ своемъ родѣ. Прочитай книги Туллія къ Теренцію, прочитай его Реторику, или, такъ какъ онъ говорить, что эти сочиненія вышли изъ его рукъ вчера и обработанными, раскрой три книги объ Ораторѣ, въ которыхъ онъ представляетъ составленіе краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ своего времени Красса и Антонія, и четвертую книгу Оратора, которую онъ уже въ старости написалъ къ Бруту: тогда поймешь, что иначе составляется исторія, иначе діалоги, иначе письма, иначе комментаріи. Ибо я въ комментаріяхъ на посланіе къ Ефессямъ такъ слѣдовалъ Оригену и Дидиму и Аполлинару (которые несомнѣнно имѣютъ противоположныя мнѣнія), что не терялъ истины своей вѣры. Какая задача комментаріевъ? Они разъясняютъ слова другаго, ясною рѣчью раскрываютъ изложенное темно, излагаютъ мнѣнія многихъ и говорятъ: это мѣсто нѣкоторые объясняютъ такъ, другие толкуютъ такъ, свое пониманіе они стараются подтвердить такими-то свидѣтельствами и на такомъ-то основаніи,—чтобы благоразумный читатель, просмотрѣвъ различныя объясненія и узнавъ мнѣнія многихъ, одобрительныя или недобрительныя, суждѣть что справедливѣе, и, какъ хорошій банкиръ, распознавалъ фальшивую денежную монету. Неужели окажется виновнымъ въ различіи толкованій и противоположности мнѣній тотъ, кто, изъясняя что нибудь въ одномъ сочиненіи, изложилъ объясненія очень многихъ? Полагаю, что въ юности ты читалъ комментаріи Аспера на Virgilія и Саллюстія, Вулканія на рѣчи Цицерона, Викторина на діалоги его и на комедіи Теренція, а также учителя моего Доната на Virgilія и комментаріи дру-

гихъ на другихъ, какъ-то: Плавта, Лубредія, Флакка, Персія и Лубана. Обвиняя же толкователей ихъ, зачѣмъ они не слѣдовали одинаковому объясненію, а приводятъ относительно одного и того же предмета какъ то, что кажется имъ, такъ и то, что думаютъ другіе.

17. Опускаю Грековъ, знаніе которыхъ ты превозносишь, и гоняясь за чужимъ, почти совсѣмъ забыть свой языкъ,— чтобы по старинной пословицѣ не показалось, что сваявъ учить Минерву и что я вошу дрова въ лѣсъ. Удивляюсь тому, какъ ты, Аристархъ нашего времени, не знаешь этихъ пустяковъ. Впрочемъ ты, разсѣянный мыслями и погруженный въ думу о томъ, чтобы устроить клевету на меня, пренебрегъ правилами грамматики и ораторовъ, не считая нужнымъ дѣлать возвращенія послѣ длинной рѣчи, избѣгать жесткости согласныхъ буквъ, удалиться трескучаго слово-выраженія. Смѣшно указывать не многія раны на тѣлѣ, которое все поражено и изуродовано. Не выбираю предметовъ для упрека: пусть укажетъ онъ самъ, что свободно отъ недостатка. Не долженъ ли онъ былъ знать онаго Сократоваго: знаю, что ничего не знаю?

Неопытный коричный корабль вести боится:

Вольному abrotanum¹⁾ не смѣлъ дать, какъ ратаѣ тою, кто знаетъ.

Что дѣло лекарей, то ищущіе лекаря: мастерское работаютъ мастера.

Пожиже пища и ученье и умнее кто ни пошало.

(Plorat. epist. 1 ad August.)

Развѣ можетъ быть онъ поклонится, что не изучать наукъ, въ чемъ мы ему очень охотно вѣримъ и безъ клятвы, или прибѣгнуть къ свидѣтельству Апостола: *еще и не-всегда словомъ, но неразумомъ* (2 Кор. 11, 6). Ап. Павелъ,

¹⁾ Abrotanum—божье дерево, растеніе.

изучившій сврейскую мудрость и получившій образованіе у ногъ Гамалиила, котораго уже въ апостольскомъ достоинствѣ не стыдится называть учителемъ, презиралъ греческое краснорѣчіе, или, конечно по смирению, говорилъ, что онъ его не знаетъ, чтобы проповѣдь его состояла не въ убѣжденіи словами, а въ силѣ знаменій; онъ презиралъ чуждыя богатства, будучи богатъ своими средствами, хотя человѣку необразованному и подобно тебѣ спотыкающемуся на каждой мысли Фестъ не сказалъ бы предъ трибуналомъ: «безумствуешь ты, Павелъ, большая ученость доводитъ тебя до сумасшествия» (Дѣян. 26, 24). Ты, нетвердый въ латыни и точнѣе движущійся черепашьимъ шагомъ чѣмъ выступающій, долженъ или писать погречески, чтобы показаться предъ незнающими греческаго языка знатокомъ чужаго, или, если вздумаешь писать полатыни, то сначала послушать грамматика, подставлять руку подъ ферулу, и среди мальчишечьихъ ученикомъ-старцемъ (ἀδελφοῦς) поучиться искусству говорить. Хотя бы кто смотрѣлъ Крезомъ и Даріемъ, ученость за богатствомъ не слѣдуетъ: она—спутница пощады и труда, союзница пощады, а не пресыщенія, воздержанія, а не роскоши. Димососъ, говорятъ, больше расходовалъ масла, чѣмъ вина, и своими ночными занятіями всегда превосходилъ всѣхъ ремесленниковъ. Послѣ того, что онъ сдѣлалъ для произношенія одной буквы, учившись у собаки выговору ρ. ты меня упрекаешь, зачѣмъ я, человѣкъ отъ человѣка учился сврейскому языку. Потому-то и бываетъ, что нѣкоторые остаются учеными невѣждами, если не хотятъ поучиться тому, чего не знаютъ. И послушаютъ они увѣщаній Горациа:

Зачѣмъ изъ локнаго стыда
Хочу и лучше быть невѣждой
Чѣмъ пробовать научнаго труда?

И Премудрость, которую читаемъ подъ именемъ Соломона, говоритъ: *въ злохудожну душу не видетъ премуд-*

дрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинныи изъ грѣху: Святый бо Духъ наказанія отбѣжитъ лѣстива и отыметъ отъ помышлений неразумныхъ (Прем. 1, 4. 5). Съ другой стороны, довольные чтеніемъ толпы, они не обращаютъ вниманія на требованія ученыхъ и не смущаются тѣмъ приговоромъ, какимъ блсѣшится наглое невѣжество:

„Не ты ль, о невѣжда, обычай имѣлъ на распутыяхъ
Цѣль жалкую пѣснь на свистлицей тростинкѣ?“

Толпа косматыхъ юношей расцѣваетъ же въ школахъ Милезійскія пошлости; »Завѣщаніе Свиньи« (Testamentum Suis) потрясаетъ же хохотомъ внутренности Бессовъ и на шутовскихъ цирюльникахъ постоянно производится подобнаго рода непотребства. Не каждый ли день на площадяхъ уличный скоморохъ бьетъ по спинѣ глушцовъ, и когда они хотятъ кусать налку, уснѣвши перевернуть ее, бьетъ ихъ по зубамъ? А мы удивляемся, что книги невѣждъ находятъ себѣ чтеніе....

18. Негодуюгь на меня, зачѣмъ я написалъ, что послѣдователи Оригена соединены между собою оргіями лжи. Я назвалъ книгу, гдѣ это было написано, писною нестую книгу Стромать Оригена, гдѣ очь, приравливая наше ученіе къ возрѣнію Платона, такъ выказывается: »Платонъ въ третьей книгѣ о Реснубликѣ говоритъ: «вообще слѣдуетъ держаться истины, ибо если, какъ немного выше мы весьма справедливо говорили, для Бога недостойна и бесполезна ложь, а людямъ иногда полезна (чтобы пользоваться ею какъ бы приправою или лекарствомъ), то нѣтъ никакого сомнѣнія, что дозволеніе лгать можетъ быть предоставлено врачамъ, а людямъ неблагоразумнымъ должно быть воспрещено. Правду говоришь ты, отвѣчая (собесѣдникъ), и потому пачальники городовъ, (если и для кого-нибудь другаго допускается подобная льгота) могутъ иногда лгать для противоудѣйствія врагамъ или въ защиту отечества и

гражданъ, а всѣ другіе, кои не умѣютъ пользоваться ложью, должны быть лишены позволенія лгать». Итакъ,—разсуждаетъ затѣмъ Оригенъ,—мы, памятуя оную заповѣдь: *глаголюте истину кійждо ко искреннему своему* (Еф. 4, 25), не должны ли говорить, кто есть ближній нашъ? Но посмотри, какъ осторожно сказалъ философъ: «для Бога недостойна и бесполезна ложь, а людямъ иногда полезна». Даже въ видахъ міроуправленія польза представлять возможности лжи со стороны Бога. Если же потребуетъ польза слушающаго, то Богъ выражаетъ Свою волю въ словахъ темныхъ и загадочно, такъ что и достоинство истины сохраняется за Нимъ, и является прикрытымъ въ некоторомъ покровѣ то, что могло бы послужить во вреду, еслибы было предложено народу неприкровеннымъ. А человекъ, которому предстоитъ необходимость прибѣгать ко лжи, долженъ тщательно наблюдать, чтобы иногда пользоваться ложью какъ приправою или лекарствомъ, чтобы соблюдать мѣру, не прѣстунать предѣловъ, въ какихъ воспользовалась ложью Іудинѣ противъ Олоферна, побѣдившая его благоразумнымъ обманомъ на словахъ. Пусть онъ подражаетъ Есфирь, которая, долго скрывая правду своего пропехожденія, измѣнила опредѣленіе Аргакстеркса, и особенно—патріарху Іакову, который, какъ читаемъ, получилъ благословеніе отца посредствомъ искуснаго обмана. Отсюда очевидно, что если мы будемъ лгать не съ цѣлю достигнуть какого-либо великаго блага, то должны будемъ подлежать суду Того, Который говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоанн. 14)». Вотъ что написалъ Оригенъ; отрицать этого невозможно; написалъ это въ книгахъ, назначенныхъ для совершенныхъ и для учениковъ; онъ учитъ, что учителямъ лгать можно, а ученики не должны лгать. Итакъ тотъ, кто лжетъ хорошо и безъ всякой застѣливости измышляетъ на братьевъ все, что ни

взбредеть на умъ, тотъ показывасть себя превосходнымъ учителемъ.

19. Говорятъ, что онъ порицаетъ меня еще за то, что въ объясненіи втораго псалма, вмѣсто стоящаго въ латинскомъ: *apprehendite disciplinam* и въ еврейскомъ: *nesci bar*, и въ своихъ комментаріяхъ поставилъ: *adore filium*, а въ полномъ переводѣ Псалтири на латинскій языкъ, какъ бы забывъ прежне свое объясненіе, поставилъ: *adore puer*, что очевидно-де противорѣчитъ прежнему переводу. Но поистинѣ слѣдуетъ простить ему, если онъ, спотыкаяющійся иногда и въ латинскомъ, не знаетъ еврейскаго языка. *Nesci* буквально значить: *κατακλῆρασε*, т. е. *deosculamini* (любзайте); не желая переводить неблагоприлично, я послѣдовалъ болѣе смыслу и перевелъ: *adore* (почитайте). Такъ какъ почитающіе обыкновенно цѣлуютъ руку и преклоняютъ голову (что огриваетъ въ себѣ по отношенію къ стихамъ и идоламъ блаженный Іовъ говоря: «вѣдя свѣтъ солнечный, какъ онъ сіяетъ, и мѣсяцъ, какъ онъ величественно ходитъ, прельстился ли я въ тайнѣ сердца моего и въ честь имъ уста мои цѣловали ли руку мою? И это было бы преступленіе достойное наказанія, потому что я отрекся бы отъ Бога Всевышняго» вл. 31, 26—27), и Евреи по свойству своего языка ставятъ любзаніе вмѣсто почитанія, то я въ переводѣ своемъ передалъ то, что разумѣютъ сами тѣ, коимъ принадлежитъ слово. А *bar* у Евреевъ имѣетъ различныя значенія. Оно принимается и въ значеніи *сынъ*, какъ: *Barjona сынъ голубя*, *Bartholomaeus—сынъ Фоломея*, *Bartholomaeus*, *Barhiesu*, *Bargabab*; значить также и *пшеница*, и *пучекъ колосовъ* и *избранный* и *чистый*. Итакъ въ чемъ же я погрѣшилъ, если слово, имѣющее различныя значенія, перевелъ различно? Въ толкованіяхъ, гдѣ допускается свобода изслѣдованія, я поставилъ: *adore filium* (почтите сына), а въ самомъ текстѣ, чтобы не показаться неточнымъ

переводникомъ и не подать повода къ порицанію со стороны Евреевъ, я перевелъ: *adorate purę* или *electę* (почтите чисто или по преимуществу), какъ перевели и Акила и Симахъ. Какой же ущербъ для вѣры Церкви, если читатель научается, какъ многообразно объясняется у Евреевъ одинъ и тотъ же стихъ?

20. Твоему Оригену позволительно разсуждать о переселеніи душъ, измышлять безчисленные міры, разумныя созданія облекать новыми и новыми тѣлами, говорить, что Христосъ много разъ страдалъ и еще больше разъ будетъ страдать, такъ что пріятое и принесшее пользу однажды пользуютъ и во вѣки; и самъ ты усвоишь себѣ такой авторитетъ, что изъ еретика лживо творишь мученика, изъ книгъ Оригена—еретическій поддѣлки: а мнѣ не дозволено будетъ разсуждать о словахъ и въ своихъ толкованіяхъ учить латинскихъ тому, чему я научился у Евреевъ? Если бы и не было утомительнымъ и не отзывалось самохвальствомъ, и не теперь показавъ бы тебѣ насколько полезно оббивать пороги у учителей и учиться искусству у мастеровъ: ты увидѣлъ бы, какой дѣлъ двуслысленныхъ ияснѣ и благоловѣ съ еврейскомъ языкѣ. Это обстоятельство служитъ причиною различія толкованій: изъ сомнительнаго каждый выбираетъ то, что кажется ему болѣе сообразнымъ. Но зачѣмъ и отсылаю тебѣ въ чужины? Раскрой Аристотеля и объясненія Александра на сочиненія Аристотеля: читая ихъ, ты увидишь, какое въ нихъ множество двуслысленностей, такъ что, можешь быть, перестанешь наконецъ упрекать своего друга въ то, чему ты и во снѣ никогда не учился.

21. Но такъ какъ Павлинанъ братъ мой сообщилъ мнѣ о нѣкоторыхъ его порицаніяхъ касательно Толкованій на посланіе къ Евреевъ, и помнилъ изъ нихъ припомнилъ и указать мнѣ самыя мѣста, то я не долженъ прятаться; прошу только читателя извинить необходимость, если въ изъ-

ложеніи и разрѣшеніи обвиненій я буду нѣсколько пространенъ; ибо я не обвиняю другихъ, а стараюсь только защитить себя и опровергнуть взведенную на меня клевету въ ереси. На посланіи Павла къ Ефессяамъ Оригенъ написалъ три тома, и Дидимъ и Аполлинарій составили свои небольшіе труды. Частію переводя ихъ, частію подражая имъ, вотъ что писалъ я въ Прологъ къ означенному своему сочиненію: »Во Введеніи я предъувѣдомляю также, чтобы знали вы, что на это посланіе Оригенъ написалъ три тома, которому мы отчасти слѣдовали, и что Аполлинарій и Дидимъ издали нѣкоторые небольшіи толкованія, изъ которыхъ, хотя немного, мы также почерпали, нѣчто по своему усмотрѣнію прибавили, нѣчто оставили,—предъувѣдомляю, чтобы внимательный читатель уже съ самаго начала зналъ, что это произведеніе частію чужое, частію наше« (Прологъ къ Толков. на посл. къ Ефессяамъ). Итакъ во всемъ, что можно будетъ признать ошибочнымъ въ толкованіи этого посланія, если я буду не въ состояніи указать этого въ греческихъ сочиненіяхъ, откуда я, какъ сказалъ, переводилъ на латинскій, я сознаю свою вину и будетъ моимъ, что не окажется чуждымъ. Однако, чтобы, не показавшись, что я опять шучу и дальнѣе этого общаго оправданія не смѣю сдѣлать шага въ состязаніи, я изложу самыя доказательства, приводимыя въ общеніе.

22. Въ самомъ началѣ первой книги свидѣтельство Павла, въ которомъ говорить: »такъ какъ Онъ избралъ насъ въ Немъ прежде созданія міра, чтобы мы были святы и непорочны предъ Нимъ« (Еф. 1, 4),—мы объяснили такимъ образомъ, что избраніе выводили не по Оригену изъ прежняго существованія душъ, а изъ предвѣдѣнія Божія, и именно сказали: »А что апостоль свидѣтельствуешь, что мы избраны, чтобы быть святыми и непорочными предъ Нимъ, т. е. Богомъ, прежде созданія міра, то это относится къ

предвѣдѣнію Божію, для Котораго все будущее есть уже совершившееся и извѣстно прежде осуществленія. Такъ и самъ Павелъ предназначается во чревъ матери своей, и Іеремія освящается, избирается и укрѣпляется въ утробѣ матерней и во образъ Христа посылается пророкомъ для язычниковъ. Конечно въ такомъ толкованіи нѣтъ никакой погрѣшности и, тогда какъ Оригенъ говоритъ противное, мы слѣдовали церковному пониманію. И такъ какъ толкователь обязанъ представлять мнѣнія другихъ и во Введеніи и общалъ это дѣлать, то я привелъ и объясненіе Оригена, безъ несправедливости къ его имени, говоря: »А другой толкователь, который старается показать Бога правосуднымъ изъ того, что Онъ избираетъ каждаго не по предопредѣленію своего вѣдѣнія, а по заслугамъ избранныхъ, говоритъ, что прежде видимыхъ тварей—неба, земли, морей и всего что въ нихъ, были иныя невидимыя твари, и въ числѣ ихъ и души, которыя, по какимъ-то причинамъ, вѣдомымъ одному Богу, низвержены были долу, въ эту юдоль плача, въ это мѣсто нашего страданія и пришельствія, мѣсто, находясь въ которомъ святой молился о возвращеніи въ прежнее мѣстопребываніе, говоря: *увѣ мнѣ, яко пришельство мое продолжится, вселюся въ селеніи Кидарскихъ. Много пришельствова душа моя* (Пс. 119, 3), и Апостолъ: *окаяныя изъ человеки: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Римл. 7, 24), и еще: *разрѣшится и со Христомъ быти много паче лучше* (Филип. 1, 23) и въ другомъ мѣстѣ: *прежде даже не смирились, азъ презрѣхъ ихъ* (Пс. 118, 67)« и прочее тому подобное, что долго было бы переносывать. Замѣть, что я сказала: »а другой толкователь, который старается показать Бога правосуднымъ,« — старается показать, а не показываетъ. Если же ты видяшь соблазнъ въ томъ, что очень пространное разсужденіе Оригена я изложилъ кратко и раскрылъ читателю его смыслъ, и если я представляюсь тебѣ послѣ-

дователемъ Оригена потому, что ничего не опустилъ изъ сказаннаго имъ, то разсуди, не для того ли это сдѣлано мною, чтобы избѣжать вашей клеветы, — чтобы вы не сказали, что я опустилъ сильно сказанное у него, что онъ въ греческомъ подлинникѣ разсуждаетъ сильнѣе. Потому-то я, хотя очень кратко, изложилъ все, что нашелъ въ греческомъ, чтобы ученики его не имѣли ничего новаго сообщить латинянамъ, потому что мы легче пренебрегаемъ извѣстнымъ, чѣмъ неизвестнымъ. И слушай, что я сказалъ въ концѣ главы, по изложеніи толкованія Оригена: »Апостолъ не сказалъ: *избралъ насъ прежде сложенія міра, когда мы были святы и непорочны*, а сказалъ: *избралъ насъ, чтобы мы были святы и непорочны*, то есть: чтобы мы, не бывшіе святыми и непорочными прежде, стали таковыми послѣ. Это можно относить и къ грѣшникамъ обратившимся на правый путь, ибо непреложна оная истина: *не оправдима предъ Тобою всякъ живой* (Ис. 42, 2), т. е. во всей жизни своей, во все время пока живетъ въ этомъ мірѣ. Такое пониманіе этого мѣста какъ опровергаетъ мнѣніе того, кто говоритъ, что души прежде созданія міра были избраны за святость, такъ опровергаетъ и мысль о неумѣнности грѣховъ.« Ибо и Павелъ и тѣ, кои подобны ему, избираются (какъ уже выше сказали мы) не потому, что они были святы и непорочны, а избираются и предназначаются чтобы въ послѣдующей жизни чрезъ дѣла и добродѣтели сдѣлались святыми и непорочными. И послѣ такого воззрѣнія, смѣетъ кто-нибудь обвинить насъ въ ереси Оригена? Почти восемнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ тѣ книги, написавъ въ то время, когда славимось въ мірѣ ими Оригена, когда пері 'Архѣ», его произведеніе, было неизвестно латинянамъ: и однако я не сомнѣвался въру свою и показалъ что мнѣ не нравилось. Отсюда и въ прочемъ, если бы недругъ мой могъ указать что нибудь еретическаго, ме-

ня слѣдуетъ признавать виновнымъ не столько въ неправыхъ мнѣніяхъ (*dogmatum*), которыя здѣсь и въ другихъ книгахъ я часто осуждалъ, сколько въ неумышленной ошибкѣ.

23. Другое мѣсто, которое указалъ мнѣ братъ какъ пререкаемое имъ, такъ какъ оно незначительно и явно обличаетъ его клевету, я изложу кратко. Послѣ разнообразнаго объясненія того мѣста, гдѣ Павелъ говоритъ: *посадивъ Яго одесную Себе на небесныхъ: превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не точїю во вѣкъ семъ, но и грядущемъ* (Еф. 1, 20. 21),—перешедши къ чинамъ служителей Божіихъ и говоря о Начальствахъ и Властяхъ, и Силахъ, и Господствахъ, я присоединилъ слѣдующее: »Необходимо они имѣютъ подчиненныхъ себѣ, боящихся ихъ, служащихъ имъ и укрѣпляющихся ихъ силою. Эти раздѣленія чиновъ не только существуютъ въ настоящемъ, но будутъ и въ будущемъ вѣкѣ, такъ что чрезъ частныя преслѣнія и почести, восхожденія и нисхожденія каждый или возвышается или умалается и бываетъ въ подчиненіи иному и иному Начальству, Силѣ, Власти и Господству.« Приведши въ примѣръ земнаго царя и подробнымъ описаніемъ придворныхъ чиновъ показавъ различіе чиновъ служителей Божіихъ, я присовокупилъ: »а мы думаемъ, что Богъ,—Господь господей и Царь царствующихъ,—довольствуется лишь не сложнымъ составомъ служителей?« Какъ имя Архангела усвоится не иначе какъ первому между Ангелами, такъ и Начальства, и Власти и Господства называются такъ не иначе, какъ потому, что имѣютъ пѣіихъ (духовъ) подчиненныхъ себѣ и низшей степени. Если же онъ отсюда выводилъ, что я слѣдую Оригену, такъ какъ въ своемъ объясненіи говорю о преслѣніяхъ и почестяхъ, восхожденіяхъ и нисхожденіяхъ, возрастаніяхъ и умаленіяхъ, то пусть онъ знаетъ, что большая разница говорить объ Ангелахъ, Сера-

фимахъ и Херувимахъ, что они бываютъ и демонами, и людьми, какъ утверждаетъ Оригенъ,—и говорить, что и самыя Ангелы получили различныя между собою роды служебныхъ, что непротивно церкви. Какъ и между людьми степень достоинствъ различна по различію труда, когда епископъ и пресвитеръ и всякая церковная степень имѣетъ свой чинъ и однако всѣ—люди: такъ и между Ангелами заслуги различны, и однако всѣ они остаются въ ангельскомъ достоинствѣ и изъ Ангеловъ не становятся людьми и изъ людей опять не преобразуются въ Ангеловъ.

24. Третій пунктъ упрека тотъ, что на слова Апостола: *да живитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презъемное богатство благодати своея благостынею на насъ о Христѣ Иисусѣ*—мы помѣстили тройное толкованіе: въ первомъ высказали собственное мнѣніе, во второмъ противоположный нашему мнѣнію взглядъ Оригена, въ третьемъ простое толкованіе Аполлинарія. Если я при этомъ не назвалъ ихъ именъ, простя моею сдержанности: я не долженъ былъ порицать тѣхъ, которымъ отчасти подражалъ и мнѣніи которыхъ переводилъ на латинскій языкъ. »Но, сказалъ я, теперь изложить свои изысканія и возрѣши тотъ, кто тщательно читалъ Писаніе,« а тотчасъ, въ концѣ прибавилъ: »а другой толкователь сказалъ: *да живитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презъемное богатство благодати своея* приимасть въ такомъ смыслѣ.« Вотъ, скажешь ты, подѣ именемъ тщательнаго читателя ты изложилъ мысли Оригена. Сознаюсь въ ошибкѣ: я долженъ былъ назвать его не тщательнымъ, а богохульнымъ, и если бы я это сдѣлалъ и по нѣкоторому предвѣдѣнію зналъ, что ты будешь привязываться къ пустякамъ подобнаго рода, то избѣжалъ бы и словъ упорины. Тяжкое преступленіе, если тщательнымъ читателемъ Писанія назвалъ я Оригена, семдесятъ вѣтъ котораго я перевелъ, котораго до небесъ превозносилъ по-

хвалами и въ зациту котораго за два года предъ сѣмъ я вызванъ былъ отвѣчать небольшою книжкою на твои похвалы мѣѣ ¹⁾. Въ своихъ расхваленіяхъ ты выставляешь, что я называлъ Оригена учителемъ церкви, и думаешь, что я долженъ страшишься, если теперь, во враждѣ со мною, ты будешь обличать меня, что я называлъ Оригена тщательнымъ читателемъ. Тщательными мы часто называемъ и скупѣйшихъ бунцовъ, и земледѣльцевъ, и скупыхъ педагоговъ, и ловкихъ воровъ. И въ Евангеліи о несправедномъ домоправителѣ говорится, что нѣчто онъ сдѣлалъ благоразумно (Лук. 16) и еще: *сынове вѣка сего мудрѣиши нѣче сыновъ сѣмѣа въ родъ своема сунѣ* (Лук. 16, 8), и въ другомъ мѣстѣ: *змѣй же бѣ мудрѣишій всѣхъ змѣрей, сущихъ на земли, ихъ же сотвори Господь Богъ* (Быт. 3, 1).

25. Четвертый пунктъ упрека относится къ началу второй книги, гдѣ мы объясняли свидѣтельство Павла: *сего ради азъ Павелъ узникъ Іисуса Христовъ о васъ языцехъ* (Еф. 3, 1). Такъ какъ это мѣсто ясно, то я изложу только ту часть объясненія, которая подала поводъ къ упреку. »Что Апостолъ называетъ себя узникомъ Іисуса Христа за язычниковъ, это можно разумѣть и относительно мученичества,—что онъ послалъ это посланіе изъ Рима, когда былъ здѣсь заключенъ въ узы, въ то время, когда, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, были писаны имъ посланія къ Филимону, къ Колоссянамъ и къ Филиппійцамъ. Но такъ какъ во многихъ мѣстахъ тѣло сіе называется узами души и въ немъ она держится какъ бы въ заключенной темницѣ, то мы съ основаніемъ полагаемъ, что Па-

¹⁾ Разумѣется писъмо къ Паммахію, писанное за два года до настоящаго сочиненія. См. Твор. бл. Іерон. въ русс. пер. Пис. 46.

ведь связывается узами тѣла, не разрѣшается и не пребываетъ со Христомъ,—для того, чтобы довершена была предпринятая имъ проповѣдь къ язычникамъ; хотя нѣкоторые вводятъ въ это мѣсто и иной смыслъ,—что Павелъ, предназначенный и посвященный къ проповѣди язычникамъ прежде рожденія, затѣмъ получилъ узы тѣла. И въ этомъ мѣстѣ, какъ и выше, я представилъ тройное толкованіе: одно свое собственное, другое толкованіе Оригена и третье—мнѣніе Аполлинарія, направленное противъ Оригена. Прочитай греческія толкованія, и если найдешь не такъ, я признаю свою вину. Въ чемъ же моя погрѣшность въ этомъ мѣстѣ? Опять въ томъ, на что я отиѣчалъ выше,—почему я не называлъ тѣхъ, кто сказалъ это. Но было излишне при каждомъ свидѣтельствѣ Апостола приводить имена тѣхъ, пользоваться сочиненіями которыхъ я общалъ во Введеніи. И однако не неразумно говорить, что душа связана тѣломъ, пока не возвратится ко Христу и къ славѣ воскресенія не измѣнитъ тѣльное и смертное тѣло сіе въ нетлѣніе и безсмертіе. Поэтому и Апостолъ говоритъ: *окаяненъ изъ человекъ: кто не избавитъ отъ тѣла смерти сего*, называя тѣло тѣломъ смерти, потому что подвержено недостаткамъ и болѣзнямъ и потрясеніямъ и смерти, пока не воскреснетъ со Христомъ во славу, и бременная прежде глина теплотою Духа Св. не будетъ обожжена въ прѣчайшій сосудъ, измѣнитъ славу, а не природу.

26. Пятый пунктъ упрека самый сильный и касается объясненія словъ Апостола: *изъ Него же все тѣло составляемо и счищаемо приличіемъ, вслѣдствіе осязаніемъ подавнѣя, по дѣйству въ мѣръ единыя ко всякой части, возвращеніе тѣла творитъ въ созданіе самого себя любовью* (Еф. 13, 16). Весьма пространное объясненіе Оригена, раскрывающаго одиѣ и тѣ же мысли въ различныхъ выраженіяхъ, мы привели кратко, не опутивъ од-

нако ничего изъ его доказательствъ и соображеній, и когда дошли до конца, то прибавили слѣдующее: »Итакъ и въ воскресеніе всѣхъ, когда истинный врачъ Христосъ Іисусъ придетъ исцѣлять нынѣ разбѣянное и разорванное тѣло всей Церкви, каждый получитъ свое мѣсто по мѣрѣ вѣры и познанія Сына Божія (Котораго, говорить, познаешь, потому что прежде зналъ, а потомъ пересталъ знать) и начнетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, такъ однако, что не всѣ будутъ поставлены въ одно состояніе, т. е. всѣ преобразятся въ ангеловъ, какъ учить другая ересь, но каждый членъ будетъ совершенъ по мѣрѣ и служенію своему. Такъ, напримѣръ, падшій ангелъ начнетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ сотворенъ, и человѣкъ, изгнанный изъ рая, снова будетъ возвращенъ къ воздѣлыванію рая« и прочее.

27. Удивляюсь, что ты, очень умный человѣкъ, не понималъ способа моего изложенія. Когда я говорю: »такъ однако, что не всѣ будутъ поставлены въ одно состояніе, т. е. всѣ преобразятся въ Ангеловъ, какъ учить другая ересь,« то я показываю, что и то, что я излагаю, есть еретическое и отличается отъ другой ереси. Какія же это двѣ ереси? Одна, которая говоритъ, что всѣ разумныя твари преобразятся въ Ангеловъ; другая, которая утверждаетъ, что все вообще при восстановленіи міра будетъ тѣмъ, чѣмъ создано; напримѣръ: такъ какъ демоны произошли изъ Ангеловъ, то демоны опять сдѣлаются Ангелами, а души людей будутъ такими, какими созданы, преобразятся не въ Ангеловъ, а въ то, чѣмъ онѣ сотворены Богомъ, такъ что и праведники и грѣшники будутъ равны. Наконецъ, чтобы ты зналъ, что я не свое мнѣніе изложилъ, а сопоставилъ между собою ереси, изъ коихъ о той и другой я читалъ на греческомъ, свое разсужденіе я закончилъ такимъ заключеніемъ: »Поэтому, какъ мы сказали выше, на нашемъ языкѣ это очень темно, такъ какъ на греческомъ выражено мета-

форически, а всякая метафора, дословно переводимая съ одного языка на другой, какъ бы какимъ-то терпѣемъ заглушаетъ смыслъ и отпрыски мысли». Если на греческомъ не найдешь того же самого, то все сказанное считай моимъ.

28. Шестой и послѣдній упрекъ (если только брать ничего незабытъ въ срединѣ)—зачѣмъ я, объясняя мѣсто Апостола: *любий свою жену себе самого любитъ. Никтоже бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю якоже и Христосъ церковь* (Еф. 5, 28—29), послѣ простаго толкованія, поставилъ возраженіе Оригена, и отъ лица его, умолчавши объ имени, сказалъ: «намъ могутъ возразить, что невѣрна самая мысль Апостола: *никтоже когда свою плоть возненавидѣ*, потому что страдающіе желтухой, чахоткой, ракомъ, размягченіемъ мозга смерть предпочитаютъ жизни и ненавидятъ свои тѣла», и тотчасъ присоединилъ и свое собственное мнѣніе: «итакъ рѣчь Апостола скорѣе должна быть понимаема въ переносномъ смыслѣ. Когда же я говорю о переносномъ смыслѣ, то (упрекаетъ онъ) учу, что сказанное несправедливо, но изображено подъ покровомъ аллегоріи.—Однакоже приведемъ самыя выраженія Оригена въ его третьей книгѣ: «Признаемъ, что ту плоть, которая узрѣть спасеніе Божіе, душа должна любить и питать и согрѣвать, обучая наукамъ и насыщая хлѣбомъ небеснымъ и напоая кровію Христовою, чтобы обновленная и просвѣщенная могла она свободнымъ движеніемъ слѣдовать за мужемъ своимъ и не отягощаться никакимъ бременемъ слабости. И прекрасно во образъ Христа, питающаго и грѣющаго церковь и говорящаго Іерусалиму: *когдакраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокоши птенцы своя подъ крыль, и не восхотѣсте* (Мф. 23, 37), и души согрѣваютъ тѣла свои, чтобы тѣльное сіе облеклось въ нетѣніе и поднятоє легкими крыльями, удобноє воспарило въ воздухъ (1 Кор. 15). Итакъ и мужа будемъ согрѣвать жепъ нашихъ и души—

Творенія Блаженнаго Іеронима.

тѣла наши, чтобы и жены преображались въ мужей и тѣла въ души, и не было никакого различія половъ, но какъ у Ангеловъ нѣтъ мужа и жены, такъ и мы, которые будемъ подобны Ангеламъ, начнемъ уже теперь быть тѣмъ, чѣмъ обѣтовано намъ быть на небесахъ».

29. Простое объясненіе этого мѣста, представившееся намъ, мы изложили выше въ слѣдующихъ словахъ: »Если объяснять это просто, то, получивъ заповѣдь свитой любви между мужемъ и женою, теперь мы получаемъ повелѣніе питать и согрѣвать супругъ, то есть доставить имъ пищу и одежду и то, что необходимо«. Таково наше мнѣніе. Этимъ мы показали, что все, что слѣдуетъ дальше и что можетъ быть выставлено противъ насъ, должно быть понимаемо не отъ нашего лица, а отъ лица противорѣчащихъ намъ. Вотъ краткій и положительный отвѣтъ; но такъ какъ онъ, какъ сказано выше, покрытъ тѣлами аллегорій и извращенъ выводами изъ того что въ немъ есть къ тому, чего не было: то и подойду поближе и поразсмотрю, что не правится тебѣ въ этомъ разсужденіи. Конечно не правится то, что я сказалъ, что души, какъ мужья, согрѣваютъ какъ бы жепы тѣла свои, чтобы тѣльное сіе облеклось въ петлѣніе и поднятое легкими крыльями удобнѣе воспаряло въ воздухъ. Когда говорю: »чтобы тѣльное сіе облеклось въ петлѣніе«, я не измѣняю природы тѣла, а возвышаю славу. Не измѣняетъ этой природы и дальнѣйшее: »и поднятое легкими крыльями удобнѣе воспарило въ воздухъ«: кто принимаетъ крылья, то есть безсмертіе, чтобы легче воспарить на небо, тотъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Но, слаженъ ты, меня возмущаетъ дальнѣйшее: »итакъ и мужья будемъ согрѣвать жепы вашихъ, и души—тѣла наши, чтобы и жены преображались въ мужей и тѣла въ души и не было никакого различія половъ, но какъ у Ангеловъ нѣтъ мужа и жены, такъ и мы, которые будемъ подобны Ангеламъ

начнемъ уже теперь быть тѣмъ, чѣмъ обѣтовано намъ быть на небесахъ». Справедливо возмущали бы тебя эти слова, еслибы послѣ первой мысли я не сказалъ: »начнемъ уже теперь быть тѣмъ, чѣмъ обѣтовано намъ быть на небесахъ». Когда говорю: здѣсь на землѣ начнемъ быть, я не уничтожаю природу половъ, но уничтожаю похоть, сонъ мужа и жены, по слову Апостола: *время прекращено есть прочее, да и мущинъ жены якоже не и мущинъ будутъ* (1 Кор. 7, 29). И Господь на вопросъ, кому изъ семи братьевъ при воскресеніи будетъ принадлежать жена, сказалъ: *презрѣтаетеся не въдуше писанія, ни силы Божія. Въ воскресеніе бо ни женятся, ни помняють, но яко Ангели Божіи на небеси суть* (Мат. 22, 29, 30). И истиннѣ, когда между мужемъ и женою сохраняется цѣломудріе, то они начинаютъ быть ни мужемъ ни женою, но еще находясь въ плоти измѣняются въ Ангеловъ, у которыхъ нѣтъ ни мужа ни жены. Это высказывается тѣмъ же апостоломъ и въ другомъ мѣстѣ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Нынь рабы, ни свободы; нынь мужескій полъ, ни женскій: вси бо вы едино есте во Христа Иисуса* (Гал. 3, 27, 28).

30. Но такъ какъ рѣчь наша вышла изъ опасныхъ и трудныхъ мѣстъ и пущенное противъ насъ обвиненіе въ ереси мы отразили съ полною неустранимостью духа, то теперь перейдемъ къ другимъ пунктамъ его обвиненія, какими онъ старается уязвить насъ. Первое изъ нихъ,—что я человекъ брававый, веѣхъ порицающій, что я всегда поношу своихъ предшественниковъ. Но пусть представитъ хоть одного, имя котораго я поносилъ бы въ своихъ сочиненіяхъ или котораго, подобно его некудству, я ставилъ бы въ затрудненіе коварною похвалою. А если я говорю противъ завистниковъ и если остріе моего стиля поражаетъ

Люсція Лавинія или Азинія Полліона изъ рода Корнеліевъ ¹⁾, если я оттадживаю отъ себя человѣка съ балаган-нымъ и мелочнымъ умомъ и всѣ концы направлю на одного глупца, то зачѣмъ онъ свои раны раздѣляетъ на многихъ, зачѣмъ истеричишемъ отвѣчать показываетъ, что касаются именно его? Онъ обвиняетъ меня въ клятвопреступленіи, даже соединенномъ съ поруганіемъ святыни, что я въ книгѣ составленной для назиданія дѣвственницы Христовой предъ трибуналомъ Судін во снѣ обѣщалъ, что никогда не буду изучать свѣтской литературы ²⁾, а между тѣмъ иногда воспоминалъ объ этой осужденной учености. Именно онъ—Саллюстіевъ Кальпурній, который чрезъ оратора Магна (великаго) предложилъ намъ переведскій вопросъ, и которому мы удовлетворили короткой книжечкой ³⁾. Теперь отвѣтимъ касательно поруганія святыни и преступленія клятвы данной во снѣ. И сказать, что больше не буду читать свѣтской литературы:

¹⁾ По свидѣтельству Сенеки, Люсцій Лавиній былъ соперникомъ или соревнователемъ Теренціи, Азиній Полліонъ—Цицерона. Иеронимъ подъ этими именами разумѣетъ своихъ завистниковъ—Руфина и одного монаха, хвалившагося что онъ происходитъ изъ рода Корнеліевъ.

²⁾ См. письмо въ Евстохіи о храненіи дѣвства, гдѣ бл. Иеронимъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ сонъ, будто онъ поставленъ предъ престоломъ Судін—Бога и подъ ударами бича далъ клятву не читать болѣе свѣтской литературы. Твор. бл. Иерон. въ русск. пер. Пис. 21.

³⁾ У Саллюстія упоминается о Кальпурніѣ, консулѣ Цуминіи, предавшемъ за деньги республику во время Югуртинской войны. Называл Руфина Кальпурніемъ, бл. Иеронимъ дѣлаетъ ему упрекъ за нѣмѣлу прежней дружбѣ. Чрезъ римскаго оратора Магна Руфинъ прежде съ упрекомъ спрашивалъ Иеронима, зачѣмъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ приводитъ выдержки изъ свѣтскихъ писателей, на что Иеронимъ и отвѣчалъ письмомъ къ Магну. См. Твор. бл. Иер. въ русск. пер. Пис. 65.

это—обѣщаніе на будущее время, а не истребленіе прежде усвоеннаго памятью. Какимъ образомъ, скажешь, ты удерживаешь въ памяти то, чего столько времени не перечитываешь? Если я опять отвѣчу тебѣ чѣмъ-нибудь изъ древнихъ книгъ и скажу: »много значить сильно привыкнуть съ юности« (Virgil. Georg. II), то отвергая обвиненіе, навлекаю его, и приводя свидѣтельство въ свою защиту, обвиняю себя тѣмъ самымъ, чѣмъ защищаюсь. Значить теперь приходится мнѣ длиною рѣчью доказывать то, что говоритъ сознаніе каждаго. Кто изъ насъ не помнитъ своего дѣтства? Конечно у тебя, человѣка серьезнѣйшаго, я вызову смѣхъ и заставлю тебя подражать Крессу, о которомъ Люцілій говорить, что онъ только однажды въ жизни смѣялся,—если скажу, что я помню, какъ я дитяси бѣгалъ по комнатамъ прислуги, праздничный день проводить въ играхъ и какъ меня изъ объятій бабушки насильно таскали къ суровому Орбикію. Еще къ большому твоему изумленію, теперь, съ сѣдою и лысою головою, я часто вижу во снѣ, будто я съ обстриженными волосами, подобравши тогу, декламирую предъ риторомъ примѣрчикъ разговора, и когда проснусь, радуюсь, что избавленъ опасности отвѣчать. Повѣрь мнѣ, многое изъ дѣтства воспоминается до подробностей. Еслибы ты обучался наукамъ, то горшокъ твоего умишка издавалъ бы запахъ того, чѣмъ онъ однажды былъ пропитанъ. Багряной краски шерстяной матеріи не смываютъ никакія воды. И ослы и безсловесныя животныя, хотя бы и на дальней дорогѣ, проходя ее въ другой разъ, знаютъ мѣста остановки. А ты удивляешься, что я не забылъ латинской литературы, когда ты греческой выучился безъ учителя? Основаніи діалектики научили меня семи родамъ силлогизмовъ,—что значитъ *аксіома*, соответствующая латинскому *pronuntiatum* (рѣшенное), какъ безъ глагола и имени не можетъ быть никакого сужденія, частямъ

сорятъ, хитростямъ псевдомена, обманамъ софизмовъ. Могу поклясться, что послѣ того какъ вышелъ изъ школы, я во-все никогда не читалъ этого. Остается мнѣ, стало быть, напиться изъ источника Леты, по баснямъ поэтовъ, чтобы избѣжать обвиненій въ знаніи того, чему я учился. Вотъ ты, укоряющій меня за небольшое знакомство съ литерату-рою и величающійся ученымъ и равни, скажи мнѣ, какъ ты осмѣлился лѣгко писать и краснорѣчивѣйшаго мужа Григорія переходить съ равнымъ блескомъ краснорѣчія? Откуда у тебя такое богатство словъ, ясность мыслей, разнообразіе выраженій.—у человѣка, который ораторское искусство едва отводилъ въ юности краями губъ? Или я ошибаюсь, или ты тайкомъ почитывалъ Цицерона, и оттого такъ краснорѣчивъ, а мнѣ имѣалъ въ преступленіе чтеніе его для того, чтобы одному славиться рѣкою краснорѣчія между церковными писателями. Впрочемъ ты больше слѣдуешь философамъ—явительному Клеанту и занузанному Хризиппу,—не по части искусства, котораго не знаешь, а по величію ихъ ума. И такъ какъ логику усваиваютъ себѣ Стоики, а ты презираешь бредни этой науки, то по этой части ты Епигурецъ: заботишься не о томъ, *почему* говоришь, а только о томъ, *что* говоришь. И какое тебѣ дѣло, если иной не понимаетъ, что ты хочешь сказать: вѣдь ты говоришь не всѣмъ, а только своимъ. Да наконецъ и я не считывая твои писанія, хотя иногда и не понимаю что ты говоришь и думаю, что читаю Гераклита ¹⁾, однако не скорблю и не жалѣю траты времени: вѣдь и при чтеніи испытываю тоже, что ты испытывалъ при писаніи.

31. Это сказалъ бы я, если бы что-нибудь общалъ въ бодрственномъ состояніи. А теперь—новый родъ

¹⁾ Гераклитъ считался самымъ темнымъ между писателями, и потому еще въ древности получалъ прозваніе σκοταίνος, темный.

паглости—онъ ставить мнѣ въ вину мое сновидѣніе. Важность мѣста и собраніе святыхъ всего міра требуютъ, чтобы я читалъ божественныя Писанія, и мнѣ всегда разсуждать о предметахъ вѣнннхъ. Однако тотъ, кто ставить въ преступленіе сновидѣніе, долженъ слушать свидѣтельства пророковъ, что снать не слѣдуетъ вѣрить, потому что ни блудъ во снѣ не ведетъ меня въ преисподнюю, ни мученическій вѣнецъ не возноситъ на небо. Сколько разъ я видѣлъ себя умершимъ и положеннымъ во гробъ! Сколько разъ снилось мнѣ, что я летаю надъ землею и плаваю въ воздухѣ, переносусь чрезъ горы и моря! Нужно мнѣ умереть или имѣть по бокамъ крылья, если умъ мой часто обольщается обманчивыми образами? Сколько богатыхъ во снѣ, отрывши глаза, оказываются бѣдниками, сколько страдающихъ отъ жажды во снѣ выпиваютъ рѣки, а пробудившись мучатся отъ жара на засохшихъ губахъ! Ты требуешь отъ меня исполненія обѣщанія даннаго во снѣ: я сдѣлаю тебѣ спусхожденіе въ болѣе дѣйствительномъ и обязательномъ. Все ты исполнилъ что обѣщалъ въ крещеніи? Соблуди мы оба съ тобой все что требуетъ слово—монахъ? Смотри-ка, прошу тебя, не замѣчаешь ли ты моего сучка изъ за своего бревна? Говорю невольно, и скорбь вынуждаетъ на слова неохотный языкъ. Не удовольствуйся ты измышленіями на меня бодрствующаго, если не осудишь и моихъ сновидѣній. Ты такъ любознатеенъ касательно моихъ дѣйствій, что разбрасаешь что я сдѣлалъ и сказалъ во снѣ. Не буду говорить о томъ, чѣмъ ты, говори противъ меня, запятналъ свое званіе, что ты и словами и дѣломъ произвелъ въ поношеніе всѣхъ христіанъ. Заявлю объ одномъ, и снова и снова повторяю не перестану убѣждать тебя. Ты ставишь мнѣ рогаый силлогизмъ: если бы я не боялся оного апостольскаго: »завѣщаніе царства Божіа не наследуютъ (1 Кор. 6, 10) и: »берегитесь, чтобы угрызая другъ друга не быть

истребленными другъ отъ друга» (Гал. 5, 15), то уже теперь ты почувствовалъ бы, что изъ маленькой и неискренней дружбы родилась въ мірѣ великая вражда. Какая тебѣ польза осыпать меня злословіями равно предъ знакомыми и незнакомыми? Или изъ за того, что я не Оригенистъ и не знаю, что мы грѣшимъ на небѣ, я долженъ быть ославленъ грѣшникомъ на землѣ? И не потому ли ты возвратилъ мнѣ дружбу, чтобы мнѣ нельзя было говорить противъ еретиковъ, какъ бы, при моемъ обличеніи ихъ, ты себя не призналъ задѣтымъ? Пока я не отвергалъ твоего восхваленія, ты слѣдовалъ мнѣ какъ учителю, называлъ братомъ и товарищемъ и во всемъ признавалъ меня православнымъ. А послѣ того какъ я не призналъ похвалъ твоихъ и счелъ себя недостойнымъ прославленія отъ столь великаго мужа, ты тотчасъ перевертываешь стиль и порицаешь все прежде одобренное, износя изъ тѣхъ же устъ и сладкое и горькое. Чувствуешь ли, о чемъ я умалчиваю, чѣмъ волнуясь въ душѣ, не выражаю этого словами, и говорю съ Псалмопѣвцемъ: *положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ моихъ. Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія* (Пс. 140, 1. 2), и опять: *и быхъ яко человекъ не слышай и не имый во устнахъ своихъ обличенія* (Пс. 27, 12), и въ другомъ мѣстѣ: *положихъ устомъ моимъ хранило, внемда во-стати грѣшному предо мною. Онѣмъхъ и смирихся и умолчахъ отъ благъ* (Пс. 38, 1.2). Но отвѣтитъ тебѣ мстителъ за меня Господь, Который говоритъ чрезъ Пророка: *мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. 12, 19) и въ другомъ мѣстѣ: *судя на брата твоего клеветалъ еси, и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси, и умолчахъ, вознепещевалъ еси, беззаконникъ, яко буду тебѣ подобенъ, обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя*

(Пс. 49, 20. 21),—чтобы ты увидѣлъ осужденнымъ въ себѣ то, что ложно обвиняешь въ другихъ.

32. Бромъ того я слышалъ, что Хризостомъ, его послѣдователь, упрекаетъ меня въ томъ, зачѣмъ я сказалъ, что въ крещеніи отпускаются все грѣхи, что въ немъ двоебрачный умпраетъ и возстаетъ во Христѣ мужъ новый, и что въ церквахъ есть нѣкоторые святители подобнаго рода. Ему я отвѣчу кратко: имѣють они книжку которую обвиняють¹⁾: пусть она отвѣтитъ, пусть она опровергнетъ его своимъ разсужденіемъ и написанное докажетъ написаннымъ. Чего онъ съ важностію на лицѣ, нахмурившись и раздувши ноздри извергаетъ пустыя слова и съ приговорною строгостію принимаешь на себя личину святости предъ простымъ народомъ? Пусть же онъ слышитъ: мы снова провозглашаемъ, что древній Адамъ въ купели умираетъ всерь и въ крещеніи со Христомъ возстаетъ новый, погибаетъ перстный и раждается пренебесный. Мы сами, благодареніе Богу, этимъ вопросомъ не связаны и говоримъ это не потому, а высказали свое мнѣніе по поводу вопроса братій, не пренятствуя никому слѣдовать какому угодно мнѣнію и своимъ мнѣніемъ не стѣсняя рѣшенія другихъ. Мы, уединяясь въ келіяхъ, не добиваемся святительства, и не слѣпимъ, презрѣвъ смиреніе, покушать золотомъ епископства; не желаемъ также дерзкою мыслию оскорблять избраннаго Богомъ епископа и не показываемъ себя еретиками потворствуя еретикамъ. Денегъ мы и не имѣемъ и не хотимъ имѣть: *имѣюще нищу*

¹⁾ Разумѣется *Письмо къ Океану*. См. Творенія бл. Іерон. въ русск. пер. Пис. 64. Вопросъ этого письма состоятъ въ томъ, можетъ ли двоебрачный, женившійся до крещенія на одной и по крещеніи, по смерти первой, на другой женѣ, быть епископомъ, и согласно ли это съ постановленіемъ апостола, что епископу подобаетъ быть *единяя жены мужу*.

и одьяніе мы сими довольни (I Тим. 6, 3), постоянно воспѣвая оное о восходителѣ на гору Господню: *иже сребра своего не даде въ лихву и мзды на невинныхъ не пріяма. Творяй сія не подвигнется въ вѣкъ* (Ис. 14, 3. 6). А кто не творить сего, тотъ, значить, уже палъ на вѣки.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Доселѣ я, сдерживая сѣморѣ, отвѣчалъ не какъ долженъ былъ, а какъ могъ, на обвиненія мои, вѣрше. въ защиту себя отъ обвиненій, которыя взошъ на меня бывшій нѣкогда коварнымъ хвалителемъ и который очень упорно поддерживаютъ его учениками. Ибо я намѣренъ не столько обвинять другихъ, сколько защищать себя. Теперь я перейду къ сто Аполоніи, въ которой онъ старается оправдаться предъ святымъ Анастасіемъ епископомъ города Рима, и въ защиту себя снова строить клевету противъ меня, и настолько любить меня, что увлеченный вековоротомъ и утоная въ глубинѣ, болѣе всего хватается за мою погу, чтобы со мною или спастись, или погибнуть.

2. Онъ говоритъ, что прежде всего онъ отвѣчать на тѣ слухи, которыми въ Римѣ порицается вѣра его, человека весьма непытачнаго какъ въ вѣрѣ, такъ и въ любви къ Богу; что онъ самъ хотѣлъ туда прибыть, если бы возвратившись чрезъ тридцать лѣтъ къ родителямъ, онъ не затруднялся оставить тѣхъ, кого такъ долго не видалъ, чтобы не показаться безтеловѣчнымъ и грубымъ, и если бы, слишкомъ утомившись отъ трудностей столь длиннаго пути, не чувствовалъ себя не въ состояніи предпринимать новые подобныя труды;—и что такъ какъ онъ не сдѣлалъ этого, то послалъ противъ своихъ порицателей письмо, какъ на-

ку, чтобы держать ее въ правой рукѣ и оттопять лающихъ на него псовъ. Но если все и въ особенности самъ снисхождѣ, которому онъ пишетъ; считаютъ его испытаннымъ въ вѣрѣ и любви къ Богу, то какими образомъ въ Римѣ онъ подвергается упрёкамъ и порицаніямъ и ходять слухи о его сомнительной репутаціи? Затѣмъ, какое смиреніе въ томъ, что онъ называетъ себя испытаннымъ въ вѣрѣ и любви къ Богу, когда апостолы просятъ: *Господи, приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5) и слышатъ: *иже бысте имъли вѣру яко зерно горюшно* (Лук. 17, 6), и самому Петру говорится: *милостърсѣ, почти усумнилася еси* (Мат. 14, 31)? Что сказать о любви, которая выше и вѣры и надежды и которой Павелъ болѣе желаетъ, чѣмъ усовестить себя, безъ которой и кровь пролитая въ мученичествѣ и тѣло преданное пламени не имѣютъ вѣнна награды? Онъ приписываетъ себя и ту и другую, такъ однако, что имѣетъ противъ себя порицателей, которые только тогда перестаютъ даять, когда оттопчются жезломъ славнаго епископа. Пописипѣ смѣшно его разглазольствовавіе, что чрезъ тридцать лѣтъ онъ возвратился къ родителямъ, онъ не имѣющій ни отца, ни матери, что онъ, въ юности оставившій ихъ, теперь въ старости такъ предашь ихъ, когда они уже умерли, (если только онъ не называетъ родителями своихъ родныхъ и свойственниковъ и слагдую солдатскому и простонародному языку) и что такъ какъ онъ не желаетъ оставить ихъ, чтобы не показаться безчеловѣчнымъ и грубымъ, то вслѣдствіе этого, оставивъ отечество, живетъ въ Аквидѣ. Весьма непытанная вѣра его въ Римѣ подвергается сомнѣнію, а онъ безпечный и лѣнивый, не бывъ тамъ тридцать лѣтъ: не можетъ въ экинажѣ по весьма удобной Фламиніевой дорогѣ прибыть туда, и утомленіемъ отъ долгаго путешествія извиняется такъ, какъ будто бы въ продолженіи тридцати лѣтъ онъ постоянно бѣгалъ и, сидя два года въ

Аквилаѣ, не отдохнуль отъ трудностей совершеннаго путешествія!

3. Разберемъ остальное и приведемъ самыя слова его писема. »Итакъ хотя вѣра наша непытана во время преслѣдованія еретиковъ, когда мы жили во свитой Александрійской церкви въ заключеніи и ссылкѣ, которымъ подвергали насъ за вѣру.« Удивляюсь, какъ не прибавилъ онъ: и узникъ Іисуса Христа избавился отъ пасти льва, въ александрійской церкви боролся съ звѣрями, подвиговъ совершилъ, вѣру сохранилъ, соблюдается мнѣ вѣнецъ правды. () какихъ тюрьмахъ и ссылкахъ говорить онъ? Мнѣ стыдно за явную ложь: какъ будто тюремное заключеніе и изгнаніе назначаются безъ опредѣленія судей! И желаю одного, чтобы онъ указалъ самыя тюрьмы и ссылакъ, въ какихъ провинціяхъ онъ былъ въ ссылкѣ. Онъ во всякомъ случаѣ имѣеть возможность изъ многихъ тюремъ и безчисленныхъ мѣстъ ссылки назвать одно какое нибудь. Пусть онъ сообщитъ намъ акты своего исповѣдничества, которыхъ мы доселѣ не знали, чтобы между другими александрійскими мучениками мы могли читать в о его дѣяніяхъ и чтобы онъ могъ сказать противъ своихъ притѣснителей: *прочее, труды да никтоже ми дасть, азъ бо язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу* (Гал. 6, 17).

4. »Однако если и теперь есть кто либо желающій или испытать нашу вѣру, или послушать или научиться ей, тотъ пусть знаетъ, что относительно Троицы мы такъ вѣруемъ« и проч. Выше ты противъ неомъ своихъ даешь еникону палку, чтобы вооружившись ею онъ выступилъ на защиту тебя; теперь какъ бы колеблясь ты говоришь: »если есть кто либо желающій испытать нашу вѣру.« Ты опять сомнѣваешься, когда до тебя дошли порицанія многихъ. Я не разбираю подробно твоихъ выраженій, которыми и ты пренебрегаешь и которымъ не придаешь значенія; я буду

отвѣчать только на мысли. Объ одномъ спрашиваютъ тебя, а въ другомъ ты оправдываешься. Противъ догматовъ Арія ты уже въ Александріи въ тюремномъ заключеніи вели борьбу не словомъ, а кровію. Теперь возбуждается обвиненіе противъ тебя изъ-за ереси Оригена. Не заботься о леченіи зажившихъ ранъ. Ты, говоришь, что Троица есть единого Божества. Такъ какъ уже весь міръ вѣруеть въ это, то думаю, что и демоны признають, что Сынъ Божій родился отъ Дѣвы Маріи и принялъ плоть человѣческаго естества и душу. Если я спрошу тебя о чемъ либо болѣе частномъ, ты назовешь меня придирчивымъ. Если ты говоришь, что Сынъ Божій воспринялъ плоть человѣческаго естества и душу, то прошу тебя спокойно отвѣтить: та душа, которую принялъ Іисусъ, существовала ли прежде чѣмъ родилась отъ Маріи, или въ дѣвственномъ зачаткѣ, который раздался отъ Духа Святаго, она сотворена вмѣстѣ съ тѣломъ, или уже была создана во чревѣ и послана съ неба тотчасъ по образованіи тѣла? Изъ этихъ трехъ мнѣній я желаю знать одно—твое мнѣніе. Если она существовала прежде чѣмъ родилась отъ Маріи, то значить она еще не была душой Іисуса и совершала нѣчто прежде, и за заслуги добродѣтелей впоследствии сдѣлалась душой Его. Если она получила начало чрезъ передачу (ex traduce), то значить одна природа и души человѣческихъ, которыя мы признаемъ вѣчными, и души безсловесныхъ животныхъ, которыя разлагаются вмѣстѣ съ тѣломъ. Если же душа Іисуса творится и посылается тотчасъ по образованіи тѣла, то вырази это прямо и освободи насъ отъ сомнѣній.

Б. Ты ни о чемъ подобномъ не говоришь, а занимаясь инымъ, злоупотребляешь нашею простотою и, обольщая мишурою громкихъ фразъ, не позволяешь намъ сосредоточиться на вопросѣ. Что же, скажешь ты, развѣ вопросъ былъ не о воскресеніи плоти и мученіи діавола? Правда. Такъ

отвѣчай коротко и прямо. И не о томъ спрашиваю, о чемъ ты пишешь,—также ли самая плоть воскреснетъ въ которой мы живемъ, безъ отдѣленія какого либо члена и безъ отсѣченія какой либо части тѣла,—ибо объ этомъ ты говоришь,—но спрашиваю о томъ, что отвергаетъ Оригенъ: будутъ ли тѣла имѣть при воскресеніи тотъ самый полъ, съ которымъ умерли, и воскреснетъ ли Марія Маріей и Іоаннъ Іоанномъ, или по смѣшеніи и превращеніи пола, не будетъ ни мужчины, ни женщины, но будетъ то и другое, или ни то ни другое? И будутъ ли самыя тѣла истины и безсмертны и, какъ ты хитро предупреждаешь, пребудутъ по аностъ лу духовными во вѣки, и не только тѣла, но также плоть и кровь, наполняющая жилы и проникающая къ костямъ, которые осизалъ Ѳома,—или же мало по малу разложатся въ ничто и возвратятся къ четыремъ стихіямъ, изъ которыхъ они образованы? Вотъ что ты долженъ былъ или подтвердить или отвергнуть, а не говорить того, что лукаво признаетъ Оригенъ, какъ бы насмѣхаясь надъ дураками и мальчиками,—«что воскреснутъ безъ отдѣленія какого либо члена и безъ отсѣченія какой либо части тѣла.» Именно того-то мы и боялись, какъ бы намъ не воскреснуть безъ носа и ушей, и какъ бы, по отсѣченіи половыхъ членовъ, не образовалось въ небесномъ Іерусалимѣ царства евиуховъ!.

6. Затѣмъ о діаволѣ онъ высказываетъ такое мнѣніе. »Мы говоримъ также, что будетъ и судъ, на каковомъ судѣ каждый получитъ надлежащее тѣлу, сообразно съ дѣлами, доброе или худое. А если люди получаютъ по дѣламъ своимъ, не тѣмъ ли болѣе діаволъ, который для всѣхъ служитъ причиною грѣховъ? Относительно его мы тоже думаемъ, что написано въ Евангеліи (Матт. 23, 41, 46), что и самъ діаволъ, и всѣ ангелы его, равно какъ и творящіе дѣла его, то есть клеветующіе на братьевъ, одинаково съ нимъ будутъ обладать послѣдствомъ вѣчнаго огня. Слѣдовательно если кто

отрицать, что діаволъ преданъ вѣчнымъ огнямъ, то тотъ вмѣстѣ съ нимъ получить часть въ вѣчномъ огнѣ, чтобы испытать то, что отрицалъ.» Обратимся къ частностямъ. »Мы говоримъ, свидѣтельствуешь онъ, что будетъ судъ, на каковомъ судѣ« и проч. Я рѣшился не говорить о недостаткахъ въ выраженіяхъ, но такъ какъ его ученики удивляются краснорѣчію своего учителя, то я укажу на нѣкоторые. Онъ сказалъ, что будетъ судъ, но какъ человѣкъ осторожный, побоялся сказать только *in quo* (на которомъ) а написалъ: *in quo iudicio* (на каковомъ судѣ), какъ бы мы, если онъ въ другой разъ не повторитъ слово *iudicium* (судъ), забывъ предыдущее, не представили себѣ осла вмѣсто суда. Столько же предести и въ томъ, что онъ потомъ говорить: клеветующіе на братій одинаково съ ними будутъ обладать наслѣдствомъ вѣчнаго огня.» Кто когда либо слышалъ: *potiri ignibus* (обладать огнями) и *frui suppliciiis* (пользоваться наказаніями)?... Но онъ повидимому, хотѣлъ, какъ грекъ, переводить себя самого и вмѣсто того, что у грековъ называется *κληρονομήσειν* и что у насъ можетъ быть выражено однимъ словомъ *hereditabunt* (наслѣдуютъ), онъ употребилъ болѣе сложное и витіеватое выраженіе: *hereditate potientur*. Подобнаго рода вздоромъ и нескладницей переполнена вся его рѣчь. Но возвратимся къ содержанію.

7. Большимъ копейемъ поражается діаволъ, служащій для всѣхъ причиною грѣха, если за дѣла свои, также какъ человѣкъ, дастъ отчетъ и вмѣстѣ съ своими ангелами будетъ обладать наслѣдствомъ вѣчнаго огня. Послѣ того какъ люди преданы на мученіе, ему того только и недоставало, чтобы обладать вѣчными огнями, коихъ онъ столь долго желалъ. Мнѣ кажется, что ты въ этомъ мѣстѣ клеветень на діавола, и общаго клеветника обвиняешь въ несправедливыхъ преступленіяхъ. Ибо ты говоришь: »который для всѣхъ служить причиною грѣха« и, относя къ нему пре-

ступлетія, освобождаешь людей отъ вины и уничтожаешь свободу воли, между тѣмъ какъ Спаситель говоритъ, что *отъ сердца нашего исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбопытствія, любодѣянія, татѣи лжесвидѣтельствъ, жулы* (Матт. 15, 19). И еще объ Іудѣ читается въ Евангелии: *и по хлѣбъ тогда вииде въ оны сатана* (Іоанн. 13, 27),—въ него, который до получения хлѣба согрѣшилъ по собственной волѣ и ни смиреніемъ ни милосердіемъ Спасителя не преклонился къ покаянію. Поэтому апостолъ говоритъ: *иже предахъ сатанѣ, да покажутся не жулики* (1 Тим. 1, 20), и въ другомъ мѣстѣ: *я передалъ таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется* (1 Кор. 5, 5). Онь тѣхъ передалъ сатанѣ, какъ палочу, для наказанія, которые прежде тѣмъ были преданы богохульствовали по собственной волѣ. И Давидъ говоритъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя и отъ чуждыхъ пощади раба Твоего* (Псал. 18, 13), вкратцѣ обозначая и заблужденіе своей воли и порочныя побужденія. Въ Екклесіастѣ мы также читаемъ: *еще духъ владычущаго озыдетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Изъ этого ясно видно, что если мы дали мѣсто восходящему, то согрѣшили мы, давшию мѣсто и не низвергши врага восходящаго на стѣны. А что ты братіямъ, то есть своимъ обвинителямъ, желаешь вѣчныхъ огней вмѣстѣ съ діаволомъ, то знаешь ты, какъ мнѣ кажется, не столько обременяешь братій, сколько облегчаешь діавола, если онъ долженъ быть наказанъ тѣми же самыми огнями, какими и люди—христіане. И думаю, что тебѣ не безызвѣстно, какіе вѣчные огни обыкновенно разумѣтъ Оригенъ, — именно сознаніе грѣховъ и раскаяніе, сожигающее внутренность сердца. Объ этомъ и Псалмъ говоритъ: *червь ихъ не скончается и огонь ихъ не угаснетъ* (Ис. 64, 24). И къ Вавилону писано: *имани угліе огненные, сяди на нихъ, сѣи будутъ тебѣ*

помощь (Пс. 47, 14). И въ псалмѣ бающіеся слышны: *что дастся тебѣ или что приложится тебѣ къ языку льстиву? Стрѣлы сильного изощрены съ углами пустынными* (Псал. 119, 3, 4), чтобы стрѣлы заповѣдей Божіихъ, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ пророкъ говоритъ: *возвратихся на страсть, егда унзе мнѣ терны* (Псал. 31, 4), ранили и пропсали лукавый языкъ и производили въ немъ пустыню грѣховъ. Также и то свидѣтельство, въ которомъ Господь говоритъ: *огня приидохъ соврещи на землю, и что жоню, аще уже возгорѣся* (Лук. 12, 49), объясняется такъ: »Я хочу, чтобы всѣ приносили покаяніе и Духомъ Святымъ поналяли грѣхи и пороки, ибо Я Тотъ, о которомъ пишется: *Богъ огнь потребляяй есмь* (Второз. 4, 24). Такимъ образомъ немного сказать о діаволѣ то, что предуготовано и людямъ.« Ты скорѣе долженъ былъ сказать (чтобы отклонить мысль о спасеніи діавола): *пагуба учинена еси и не будешь ктому во языкъ* (Исая. 28, 19), и отъ лица Господа, говорящаго къ Іову: »ротъ надежда его обманетъ его и въ глазахъ всѣхъ онъ будетъ низверженъ. Какъ бы жестокій, я не возставлю его. Ибо кто можетъ устоять предъ лицемъ Моимъ? Кто напередъ дасть Миѣ, чтобы Миѣ воздавать ему? Идѣтъ вѣтъя небомъ все Моѣ. Я не пощажу его, не смотря ни на властныя слова, ни на обращенныя съ мольбою« (Іов. 11, 1—4). Но въ этомъ можно извинить его какъ человѣка простаго, и такъ какъ этого не избѣгаютъ и ученые, то у неученыхъ подобіе невинности предпочтительнѣе,

8. Но что слѣдуетъ дальше о состояніи души, то уже совершенно не извинительно. Ибо онъ говоритъ: »слышу, что подняты вопросы о душѣ; слѣдуетъ ли принять или отвергнуть жалобу по этому предмету, рѣшите вы. Если же спрашиваютъ у меня, какъ я думаю, то сознаюсь, что я у весьма многихъ писателей читалъ различныя сужденія Творца блаженнаго Іеронима.

по этому вопросу. Читалъ нѣкоторыхъ, которые говорятъ, что одинаково съ тѣломъ чрезъ посредство (*per traducem*) съѣдени челоуѣческаго разливаются и души, и это они подтверждали доказательствами, какими могли. Изъ латинскихъ такъ думалъ, кажется, Тертуліанъ или Лактанцій, а можетъ быть и нѣкоторые другіе. Иные утверждаютъ, что по образованіи тѣла во чревѣ, Богъ ежедневно творитъ и вливаетъ души. Другіе полагаютъ, что, сотворивъ души еще изначала т. е. тогда, когда Богъ сотворилъ все изъ ничего, Онъ теперь судомъ своимъ опредѣляетъ имъ родиться въ тѣлѣ. Такъ думаетъ Оригенъ и нѣкоторые другіе изъ грековъ. А я хотя и читалъ все это, однако (говорю свидѣтельствуясь Богомъ) до настоящаго времени не держусь чего либо положительнаго и опредѣленнаго относительно этого вопроса, но что изъ этого истинно, предоставляю знать Богу и тѣмъ, кому Онъ Самъ удостоитъ открыть. Тѣмъ не менѣе я не отрицаю того, что читалъ все это и признаюсь, что доселѣ не знаю этого кромѣ того, что ясно передаетъ церковь,—что Богъ есть Творецъ и душъ и тѣлъ».

9. Прежде чѣмъ разсуждать о мысляхъ, я подивлюсь выраженіямъ Теофраста ¹⁾. «Я слышу»,—говоритъ онъ,—«что подняты вопросы о душахъ; слѣдуетъ ли принять или отвергнуть жалобу по этому предмету,—рѣшите вы». Если въ Римѣ подняты вопросы о душахъ, то что это за жалоба или тяжба, относительно которой предоставляется суду епископовъ рѣшить. слѣдуетъ ли принять ее или отвергнуть, если только онъ почему нибудь не думаетъ, что *quaestio* (вопросъ) и *querimonia* (жалоба) значить одно и тоже, такъ какъ въ комментаріяхъ Капра онъ встрѣчаетъ подобнаго

¹⁾ Іеронимъ проицески называетъ Руфина именемъ философа Теофраста, славившагося своимъ краснорѣчіемъ.

рода фигуру. Затѣмъ онъ говоритъ: »Я читалъ нѣкоторыхъ, которые говорятъ, что одинаково съ тѣломъ чрезъ посредство сѣмени человѣческаго разливаются и души, и это они подтверждали доказательствами какими могли«. Спрашивается, что это за свобода фигуръ? Какое сѣмисненіе пакловеній и временъ! »Я читалъ говорящихъ, подтверждали доказательствами какими могли«. И за тѣмъ: »другіе утверждаютъ, что по образованіи тѣла ро чрезъ, Богъ ежедневно создаетъ и вливаетъ новыя души; другіе полагаютъ, что сотворивъ души еще изначала, т. е. тогда когда Богъ сотворилъ все изъ ничего, Онъ теперь судомъ своимъ опредѣляетъ имъ рождаться въ тѣлѣ«. И тотъ порядокъ прекрасенъ. Одни, говорятъ, утверждаютъ то или другое, другіе полагаютъ, что онѣ сотворены еще изначала, т. е. тогда, когда Богъ сотворилъ все изъ ничего и теперь Богъ судомъ своимъ опредѣляетъ имъ родиться въ тѣлѣ. Онъ говоритъ такъ незнающе и безпорядочно, что больше труда мнѣ въ указаніи недостатковъ его, чѣмъ ему въ писаніи. Въ заключеніе онъ сказалъ: »а я хотя и читалъ все это«, и только что поставивши эту мысль, какъ будто бы высказывая нѣчто новое прибавилъ: »тѣмъ не менѣе я и не отрицаю того, что читалъ все это, и признаюсь, что доселѣ не знаю«.

10. О несчастныя души, терзаемыя копиями такихъ недостатковъ! Не столько, думаю, пострадали онѣ тогда, когда, по заблужденію Оригена, писали съ неба на землю и облакались въ грубыя тѣла, сколько теперь сдѣланы оттуда и отсюда, и выраженіями и мыслями, не говоря уже о срамнословіи, (*кахѣрфатовъ*), съ какимъ говорится, что души разливаются чрезъ посредство человѣческаго сѣмени. Знаю что между христіанами недостатки въ выраженіяхъ обыкновенно не порицаются; но я хотѣлъ изъ немногаго показать, какъ безразсудно учить тому, чего не знаешь, писать о томъ, чего не понимаешь,—показать, чтобы подобной

мудрости искать и въ мысляхъ. Онъ посылаетъ письмо, то есть самую крѣпкую палку, чтобы ею вооружился епископъ города Рима, и говорить, что онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ тотъ самый вопросъ, изъ за котораго лаютъ немъ. Если онъ не знаетъ изъ за чего возбуждается обвиненіе противъ него, то что за необходимость посылать Аполлогію, которая заключаетъ въ себѣ не защиту его, а сознаніе въ неспасеніи? Это значитъ не успокоивать, а возбуждать людскія подозрѣнія. Онъ приводитъ три мнѣнія о состояніи души и въ заключеніе говоритъ: »Не отвергаю, что я читалъ все это, и признаюсь, что доселѣ не знаю«. Подумаешь, это Аркезилай или Карнеадъ, которые все признаютъ сомнительнымъ, хотя онъ и ихъ превосходитъ въ осторожности. Они, не перенося ненависти со стороны всѣхъ философовъ за то, что устранили истину изъ жизни, придумали правдоподобное, чтобы невозможность познанія вещей ограничить признаніемъ вѣроятности; а онъ говоритъ, что онъ сомнѣвается и совершенно не знаетъ, какое изъ трехъ мнѣній истинно. Если это онъ имѣлъ отвѣтить, то какая причина побуждала его къ тому, чтобы сдѣлать такого первосвященника свидѣтелемъ своего неспасенія? Конечно это-то и было то утомленіе, по которому, изнуренный тридцатилѣтнимъ путешествіемъ, онъ не могъ прибыть въ Римъ. Сколько и другая мы не знаемъ, и однако не знаемъ свидѣтелей своего неспасенія! Онъ смѣло говоритъ объ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ, о рожденіи Господа Спасителя, о которомъ Иеронъ взызаетъ: *родъ Его кто исповѣсть* (Ис. 53, 8), и присвоить своему знанію тайну, верѣдому всѣмъ прежнимъ вѣкамъ, а неспасать только того одного, неспасеніе чего служить соблазномъ для всѣхъ. Онъ знаетъ, какъ Дѣва родила Бога, и неспасать, какъ самъ родился. Онъ признаетъ Бога Создателемъ души и тѣла, были ли души прежде тѣла, или рождаются съ зачаткомъ тѣла, или же

посылаются уже по образованн тѣль и принятіи ими образа во чревѣ. Знаемъ, что Богъ причина всего. Да не въ томъ теперь вопросъ, Богъ ли, или иной кто создалъ ихъ. Но оны говорить, что оны не знаютъ, какое изъ трехъ приведенныхъ имъ мнѣній истинно. Смотри, какъ бы тебѣ не возразили, что ты потому сознаешься въ незнаніи трехъ, чтобы не быть вынужденнымъ обвинить одного; что ты потому падишь и Тертуліана и Лактанція, чтобы вмѣстѣ съ ними не зажать горла Оригену. Насколько помню, если однако не ошибаюсь, я не знаю, чтобы я читалъ, что Лактанцій называетъ душу *suspensivamentu* (вмѣстѣ посѣянною, вмѣстѣ съ тѣломъ созданною). Впрочемъ такъ какъ ты пишешь, что читалъ, то скажи, въ какой книгѣ ты читалъ, чтобы не казалось, что ты наклеветалъ также на него умершаго, какъ на меня соннаго ¹⁾. Но и здѣсь ты выступи медлительно и осторожно. Ибо ты говоришь: »Изъ латинянъ такъ думалъ, кажется, Тертуліанъ или Лактанцій, можетъ быть и нѣкоторые другіе«. Ты не только сомнѣваешься относительно состоянія души, но колеблешься и касательно мнѣній авторовъ, съ нѣкоторымъ впрочемъ различіемъ. Относительно души ты прямо не знаешь и сознаешься въ незнаніи, а объ авторахъ ты такъ высказываешь признаніе, что скорѣе полагаешь, чѣмъ предполагаешь. Въ одномъ Оригенѣ ты не сомнѣваешься, ибо говоришь: »такъ думаетъ Оригенъ«. Спрошу тебя: хорошо онъ думаетъ или худо? Ты говоришь, не знаю. Такъ къ чему же ты, рассылая письма по епископъ и мѣстныхъ гонимыхъ, стараешься сообщить мнѣ, чтобы я зналъ о твоёмъ незнаніи? И чтобы я по чему нибудь не стисся съ недоверіемъ къ твоему не-

¹⁾ Намекъ на приведенный въ первой книгѣ упрекъ Руфина по поводу спора въ Египтѣ.

знанію и не подумалъ, что ты съ умысломъ умалчиваешь о томъ, что знаешь, ты клянешся, свидѣтельствуешь Богомъ, что до настоящаго времени относительно этого вопроса не держишься что-либо положительнаго и опредѣленнаго, и Богу или кому Онъ удостоитъ открыть предоставляешь знать, что здѣсь истинно. Тебѣ кажется, что въ теченіи столькихъ вѣковъ никто не оказался достойнымъ, чтобы Господь сообщалъ ему откровеніе относительно этого вопроса? Ни патріархъ, ни пророкъ, ни апостолъ, ни мученикъ? Даже тебѣ, когда ты былъ въ заключеніи и ссылки не были открыты тайны такого рода? Господь въ Евангеліи говоритъ: *Отче, яви мнѣ Твое человеколюбіе* (Іоанн. 17, 6).

Крившии Отца, умалчалъ о состояніи душъ? И ты удивляешься, если относительно тебя возникаютъ соблазны братій. Когда ты клянешся, что не знаешь того, знаешь что несправедливо дуютъ церкви Христовы!

11. Изложивши свою вѣру или, вѣрнѣе, сознаніе въ своемъ незнакоміи, онъ переходитъ къ другому, и старается оправдаться въ томъ, зачѣмъ онъ перевелъ книги пері 'Αρχόν на латинскій языкъ. И вотъ что буквально пишетъ онъ: »такъ какъ я слышу, что и по поводу того идутъ споры, что я, по просьбѣ братій, перевелъ нѣчто изъ Оригена съ греческаго языка на латинскій, то, думаю, для всѣхъ понятно, что это ставится мнѣ въ вину изъ за одной зависти. Ибо если есть что либо въ авторѣ, что не правится, то почему относить это къ переводчику? Меня просили, чтобы я на латинскомъ языкѣ изложилъ его такъ, какъ читается на греческомъ. Въ греческихъ мысляхъ я приложилъ только латинскія слова. Слѣдовательно, похвальное ли есть что нибудь въ этихъ мысляхъ,—это не мое, предосудительное ли—тоже не мое. »И слышу, говорить онъ, что и по поводу того *идутъ споры*. Какъ умно обвиненіе противъ себя онъ называетъ »споромъ«! »Что я, по просьбѣ братій, не-

ревелъ *ничто* изъ Оригена съ греческаго языка на латинскій». Что это за ничто? Развѣ оно не имѣеть названія? Ты молчишь? Говорятъ сочиненія обвинителей. »Я думаю, говорить онъ, для всѣхъ понятно, что это мнѣ ставится въ вину изъ за одной зависти«. Изъ за какой зависти? Не завидуютъ ли твоему краспорѣчію? Или ты сдѣлалъ то, чего никто изъ людей никогда не могъ сдѣлать? Вотъ и я также перевелъ многое изъ Оригена, а кромѣ тебя никто не завидуетъ и не обвиняетъ. »Ибо, говорить онъ, если есть что либо въ авторѣ, что не нравится, то почему относить это въ переводчику? Меня просили, чтобы я на латинскомъ языкѣ изложилъ его такъ, какъ читается на греческомъ. Къ греческимъ мыслямъ я приложилъ только латинскія слова. Слѣдовательно похвальное ли есть что-нибудь въ этихъ мысляхъ,—это не мое, предосудительное ли,—тоже не мое«. И ты удивляешься, если люди дурно думаютъ о тебѣ, когда о явныхъ богохульствахъ ты говоришь: »если есть что-либо въ авторѣ, что не нравится«. Всѣмъ не нравится то, что сказано въ тѣхъ книгахъ, и только ты одинъ сомнѣваешься и жалуешься, что къ переводчику относить то, что ты восхвалилъ въ предисловіи къ своему переводу. Тебя просили, чтобы ты перевелъ его на латинскій языкъ такъ, какъ стоитъ на греческомъ. О еслибы ты сдѣлалъ то, о чемъ, какъ ты выдаешь, тебя просили! Ты не подвергся бы теперь никакой ненависти. Если бы ты соблюдалъ вѣрность въ переводѣ, то мнѣ не было бы необходимости опровергать невѣрный переводъ вѣрнымъ переводомъ. Твоя совесть знаетъ, что ты прибавилъ, что вынулъ, что по своему произволу измѣнилъ въ ту и другую сторону: и послѣ этого ты осмѣливаешься говорить, что и хорошее и дурное должно быть вѣряемо не тебѣ, а автору? И, угнетасмый ненавистію, ты еще смягчаешь выраженія и говоришь, какъ бы ступая по игламъ: »есть ли въ этихъ мы

сплхъ нѣчто похвальное, или предосудительное». Защищать не смѣешь, однако и обвинять не хочешь. Выбирай изъ двухъ что хочешь, тебѣ предоставляется выборъ: если хорошъ твой переводъ,—похвали, если худъ, осуди. Но онъ оправдывается и присоединяетъ другую уловку. Онъ говоритъ: «я даже еще иное прибавилъ, какъ я обозначилъ это въ моемъ предисловіи,—что я, насколько могъ, кое-что отсѣкъ, —то впрочемъ, что приходило мнѣ въ подозрѣніе, что это не самимъ Оригеномъ такъ сказано, а казалось вписаннымъ другими, потому что, какъ читалъ я, въ другихъ мѣстахъ тогоже автора о томъ же самомъ сказано православно». Дивное и неискреннее аттическими цвѣтами краснорѣчіе! «*Quinimo etiam*» (даже еще) и «*quae mihi ad suspicionem veniebant*» (что приходило мнѣ въ подозрѣніе). Удивляюсь, какъ онъ осмѣлился пересылать въ Римъ такіа литературныя диковинки! Подумаешь, языкъ его закованъ въ кандалы, и затянутый нераспутываемыми узлами, едва прорывается на человѣческій звукъ. Но возвращусь къ дѣлу.

12. Кто далъ тебѣ право многое отсѣкать отъ перевода? Тебя просили переводить съ греческаго языка на латинскій, а не исправлять, передавать сказанное другимъ, а не сочинять свое. И ты самъ сознаешься, что, отсѣкнувъ весьма многое, ты не исполнилъ того, о чемъ тебя просили. И о селибы ты отсѣкъ дурное и не впесть многого своего для подтвержденія дурнаго! Изъ такого я укажу на одно, чтобы по этому можно было судить и объ остальномъ. Въ первой книгѣ пері 'Αρχῶν, гдѣ Оригенъ святоотечественнымъ языкомъ богохульствовалъ, что Сынъ не видитъ Отца, ты какъ бы отъ лица автора представляешь причины и переводилъ οὐλόων (толкованіе) Идидма, въ которомъ онъ тщетно старается защитить чужое заблужденіе, что-де хотя Оригенъ сказалъ хорошо, но мы, люди простые и ослы Эніія, не можемъ по-

нять мудрости ни его, ни твоей,—переводчика. Обвиняешь тебя въ самомъ дурномъ переводѣ предисловіе твое, на которое ты указываешь и въ которомъ чрезвычайно восхваляешь меня, ибо ты говоришь, что ты многое отсѣкъ отъ греческаго текста, хотя не говоришь, что прибавлялъ къ нему. То, что ты отсѣкъ, было дурное или хорошее? Конечно, дурное. А то, что удержалъ,—хорошее или дурное? Конечно, хорошее. Вѣдь ты не могъ переводить дурнаго. Итакъ ты дурное отсѣкъ, а хорошее удержалъ? Несомнѣнно. А оказывается, что переведенное почти все дурное. Поэтому все, что ни укажу я дурнаго въ переводѣ, должно быть приписано тебѣ, который перевелъ это какъ хорошее. Развѣ можетъ быть ты, какъ несправедливый цензоръ, однихъ изъ виновныхъ въ одномъ и томъ же преступленіи, исключая изъ сана, другихъ оставляешь въ куріи? Но ты говоришь: «я не могъ все измѣнять, а счелъ нужнымъ отсѣчь только то, что, по моему мнѣнію, было прибавлено еретиками». Прекрасно. Если ты отсѣкъ то, что считалъ прибавленнымъ еретиками, то значить оставленное тобою принадлежить тому, кому ты переводилъ. Скажи же, хорошее это, или дурное? Ты не могъ переводить дурнаго, ибо ты сразу отсѣкъ то, что было прибавлено еретиками, — если только, отсѣкая заблужденія еретиковъ ты не переводилъ безъ измѣненія на латинскій языкъ заблужденія Оригена. Итакъ скажи, для чего ты переводилъ заблужденія Оригена на латинскій языкъ? — чтобы выдать виновника зла, или чтобы восхвалять его? Если ты выдаешь, то почему восхваляешь его въ предисловіи? Если восхваляешь, то уличаешь себя въ ереси. Остается признать, что ты перевелъ какъ хорошее. Если все это дурное одобряется, то значить, и авторъ и переводчикъ будутъ виновными въ одномъ и томъ же преступленіи и исполнится изреченіе: *видѣлъ еси татя, и теклъ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагалъ еси* (Псал. 49, 18). Итът пужды чрезъ доказа-

тельство дѣлать сомнительнымъ то, что ясно. Пусть онъ отвѣтитъ на слѣдующее: откуда у него возникло подозрѣніе, что это прибавлено еретиками? »Потому что, какъ я читалъ«, говорить онъ, »въ другихъ мѣстахъ того же автора о томъ же самомъ сказано православно«.

13. Разсмотримъ главное, чтобы по порядку рѣчь дошла и до второстепеннаго. Изъ числа многихъ заблужденій Оригена я слѣдующія признаю особенно еретическими: что Сынъ Божій есть тварь, что Духъ Святый есть лице служебное (minister), что безчисленные міры слѣдуютъ одинъ за другимъ въ безконечные вѣка; что ангелы обращаются въ души людей; что душа Спасителя существовала прежде чѣмъ родилась отъ Маріи, и она-то именно бывъ въ образѣ Божіемъ, не сочла хитрѣнїемъ быть равною Богу, но уничтожила себя, припавъ образъ раба (Филип. 2, 6. 7); что воскресеніе нашихъ тѣлъ будетъ такимъ образомъ, что они не будутъ имѣть тѣ же члены, потому что на прекращеніи отпавшихъ членовъ, члены окажутся излѣпленными, и самыя тѣла, тонкія и духовныя, мало по малу исчезнутъ и разсѣются въ тонкій воздухъ и въ ничто; что при возстановленіи всего, когда настанетъ всеобщее оставленіе грѣховъ (indulgentia), херувимы, серафимы, престолы, пачала, господства, силы, власти, архангелы, ангелы, діаволъ, демоны, души всѣхъ людей, какъ христіанъ, такъ іудеевъ и язычниковъ, будутъ находиться въ одинаковомъ состояніи, будутъ одной мѣры. И когда все достигнетъ формы и мѣры равенства и новое воинство возвратившагося изъ ссылки міра народа явить въ себѣ разумныя твари сложившія все остатки тѣлъ. Тогда снова изъ новаго начала возникнетъ иной міръ и иныя тѣла, коими облечутся души ниспавшія съ неба, — такъ что мы должны опасаться, какъ бы мы, что нынѣ мучимы, не родились впоследствии женщинами, и что нынѣ дѣвственница, тогда не стала непотребною

женщиною. Вотъ что я признаю въ книгахъ Оригена еретическимъ; а ты убави, въ какомъ его сочиненіи ты читалъ противоположное этому.

14. Не говори: »о томъ же самомъ въ другихъ мѣстахъ того же автора, какъ я читалъ, сказано православно,« чтобы не отсылать меня къ тѣмъ шести тысячамъ его книгъ, въ чтеніи которыхъ ты обвиняешь блаженнаго пану Епифанія, но назови самыя мѣста; да и этого недостаточно будетъ для меня, если ты не передашь тѣхъ же самыхъ выраженій дословно. Оригенъ не глупъ, и я знаю, противорѣчить себѣ не можетъ. Изъ этого расчета выходить, значить, тотъ итогъ, что не еретикамъ, а Оригену принадлежить то, что ты отсѣкъ, и что потому ты перевелъ его дурное, что считалъ за хорошее, и что тебѣ должно быть приписано какъ хорошее, такъ и дурное Оригена, сочиненія котораго ты восхвалялъ въ прологѣ.

15. Въ той же Аполоніи слѣдуетъ: »Ни защитникъ я, ни заступникъ, ни первый переводчикъ Оригена. Иные дѣлали тоже самое прежде меня; сдѣлать и я это послѣ всѣхъ, по просьбѣ братій. Если постановляется не дѣлать чего-либо, то обыкновенно это постановленіе обязательно на послѣдующее время. Если же обвиняются дѣлавшіе до постановленія, то обвиненіе должно начинаться съ первыхъ.« Наконецъ-то, онъ избѣжалъ то, что желалъ, и все его недоуваніе прорвалось въ злобѣ на мое обвиненіе. Когда онъ переводить книги пері 'Αρχῶν, то говорить, что онъ слѣдуетъ мнѣ; когда его обвиняютъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, то представлять мой причѣръ: и въ безопасномъ состояніи, и въ опасности онъ не можетъ жить безъ меня. Пусть же онъ выслушаетъ то, въ чемъ представляется не знающимъ. Никто не упрекаетъ тебя за то, что ты перевелъ Оригена,—въ противномъ случаѣ Иларій и Амвросій будутъ виновны въ томъ же,—а упрекаютъ тебя за то, что ты, переводя еретическое,

подтвердилъ это похвалою въ своемъ предисловіи. Я самъ, котораго ты обвиняешь, такъ перевелъ семьдесятъ его бесѣдъ и нѣчто изъ томовъ, что и заслонялъ дурное при переводѣ хорошаго, и въ книгахъ пері 'Архонъ, для обличенія твоего перевода, ясно показывалъ, чего должны избѣгать читатель. Ты хочешь переводить Оригена на латинскій языкъ? Въ твоёмъ распоряженіи много бесѣдъ его и томовъ, въ которыхъ трактуется о нравственныхъ предметахъ и раскрываются темныя мѣста Писаній. Это переводи; это давай просящимъ. Почему первый твой трудъ начинается безславіемъ? Для чего, имѣя переводить еретическое, ты въ защиту его предпосылаешь книгу какъ бы мученика и предлагаешь вниманію римлянъ то, чего въ переводѣ ужаснулся весь міръ? Или, если уже переводилъ для того, чтобы обличать какъ еретика, то не измѣняй ничего изъ греческаго и засвидѣтельствуй въ предисловіи то самое, что весьма разумно изложилъ папа Анастасій въ письмѣ, которое онъ пишетъ противъ тебя къ епископу Іоанну, оправдывая меня, едѣлавшаго это, и обвиняя тебя, не захотѣвшаго едѣлать это. И чтобы ты какъ нибудь не сталъ отрицать и этого, я предлагаю коню этого письма, чтобы ты послушалъ епископа обвиняющаго, если не хочешь слушать брата убѣждающаго.

16. Ты говоришь, что ты не защитникъ, ни заступникъ Оригена: такъ теперь я укажу тебѣ на твою книгу, о которой ты въ предисловіи предисловіи къ твоему знаменитому произведенію говоришь слѣдующими словами: »Причину этой разности я очень подробно изложилъ тебѣ въ Апологетикѣ, который написалъ Памфилъ въ числѣ своихъ книгъ,—изложилъ, присоединивши весьма краткое сочиненіе, въ которомъ я съ очевидностію, какъ полагаю, доказалъ, что книги его, и въ особенности тѣ, о переводѣ которыхъ ты теперь проеешь меня, то есть пері 'Архонъ, въ весьма многихъ мѣстахъ непорчены еретиками и зложеле-

лими.« Развѣ для тебя мало было защиты Оригена со стороны Евсевія, или, какъ ты утверждаешь, Памфила, что ты, какъ будто болѣе умный и ученый, восполнилъ то, что считалъ у нихъ недостаточнымъ? Много бы потребовалось времени, если бы я захотѣлъ излагать въ этомъ сочиненіи всю твою книгу и, выставя главы, отвѣчать на каждую порознь,—какіе въ нихъ недостатки рѣчи, сколько лживыхъ утвержденій, сколько безпорядочности въ самой расстановкѣ словъ. Поэтому, избѣгая скучнаго подробнаго разбора и стараясь быть какъ можно болѣе краткимъ, я буду отвѣчать только на мысли. Уже при выходѣ изъ пристани, онъ паткнулся на мель. Ибо говоря объ Апологіи Памфила мученика (принадлежащей, какъ мы доказали, Евсевію, главѣ аріанъ), о которой онъ сказалъ, что, «несколько можно было или сколько требовало дѣло, я изложилъ ее на латинскомъ языкѣ», онъ прибавилъ: »И хочу тебѣ, мужъ желаній, Макарій, внушить то, чтобы ты зналъ, что это правило вѣры, которое мы выше изложили изъ книгъ его, таково, что должно быть принимаемо и содержимо, ибо ясно видно, что во всѣхъ этихъ книгахъ содержатся православныя мысли.« Хотя изъ книги Евсевія многое онъ выпустилъ и ученіе о Сынѣ и Святомъ Духѣ старался измѣнить въ хорошую сторону, однако въ ней встрѣчается много соблазновъ и явныя богохульства, принадлежности которыхъ ему онъ не можетъ отрицать, выдавая ихъ за православныя. Евсевій, или (какъ ты утверждаешь), Памфилъ говоритъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи, что Сынъ есть слугитель Отца, что Духъ Святый не одного и того же существа со Отцемъ и Сыномъ, что души людей низпавш съ неба, и въ то состояніе, въ какомъ находимся, мы измѣнены изъ ангеловъ, что при возстановленіи всего и ангелы, и демоны, и люди, будутъ равны и много другаго, столь несчастнаго и нелѣпаго, что даже повторять это грѣшно. Что будетъ

дѣлать защитникъ Оригена и переводчикъ Памфила? Если столько богохульства находится въ томъ, что онъ исправилъ, то сколько святотатства въ томъ, что онъ выдаетъ за исправленное еретиками? Въ такомъ мнѣніи онъ приходитъ на томъ основаніи, что человѣкъ не глухой и находящійся въ своемъ умѣ не могъ противорѣчить себѣ. А чтобы мы не могли подумать, что онъ писалъ различно въ различныя времена, онъ прибавилъ: »что дѣлать съ тѣмъ, что иногда въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и, такъ сказать, почти въ слѣдующей главѣ встрѣчается мнѣніе противоположное? Неужели въ одномъ и томъ же отдѣленіи одной и той же книги и иногда, какъ мы сказали, въ непосредственно слѣдующей главѣ, онъ могъ забывать себя? Какимъ образомъ, на примѣръ, сказавши выше, что нигдѣ во всемъ священномъ Писаніи нѣтъ мѣста, гдѣ бы Духъ Святой назывался созданнымъ или сотвореннымъ, вскорѣ онъ прибавляетъ, что между прочими тварями созданы и Духъ Святой? Или, еще: какимъ образомъ, назвавши Отца и Сына единосущными, что погрешеніемъ называется *омолобоу*, въ непосредственно слѣдующихъ главахъ онъ могъ сказать, что иного существа и сотворенъ Тотъ, Кого онъ немного прежде признать рожденнымъ отъ самаго существа Бога Отца?»

17. Это его собственныя слова; отрицать этого онъ не можетъ. Не говори: »напримѣръ, какимъ образомъ сказавши выше;« а назови самую книгу, въ которой онъ прежде сказалъ хорошо, а потомъ дурно, въ которой сказавши, что Духъ Святой и Сынъ имѣютъ бытіе изъ существа Бога Отца, непосредственно затѣмъ назвалъ Ихъ тварями. Развѣ ты не знаешь, что я имѣю все сочиненія Оригена, что я прочиталъ весьма многія изъ нихъ?

„Хвалюсь передъ тобою;

А я знаю тебя изнутри и снаружи.“ Pers. Sat. 3.

Ученѣйшій мужъ Евсевій (я называлъ его ученѣйшимъ, а не

православнымъ, чтобы ты и это, по своему обычаю, не поставилъ мнѣ въ вину) въ своихъ шести томахъ ничего другаго не дѣлаетъ, какъ только показываетъ, что Оригенъ держится его вѣры, то есть аріанскаго кекѣрія. Онъ и много приводитъ выдержекъ, и постоянно доказываетъ это. Въ концѣ же видѣнн въ александрійской тюрьмѣ было открыто тебѣ, что ты воображаешь испорченнымъ то, что онъ признаетъ за истину? Но, можетъ быть, онъ, какъ аріанинъ, прибавленное еретиками обратилъ въ пользу своего заблужденія, чтобы не базалось, что онъ одинъ мыслитъ исправо вопреки ученію церкви. А что ты скажешь за Дидима, который о Троицѣ несомнѣнно мыслитъ православно? Его вступу о Духѣ Святомъ также и я перевелъ на латинскій языкъ. Онъ, конечно, не могъ соглашаться съ тѣмъ, что въ сочиненіяхъ Оригена было прибавлено и на самыя книги *περί Ἀρχῶν*, которыя ты перевелъ, онъ сдѣлалъ краткія поясненія, въ которыхъ не отрицаетъ, что Оригеномъ написано то, что написано, но что мы, простые люди, не можемъ понять сказаннаго имъ и старается вынудить, въ какомъ смыслѣ оно должно быть понимаемо въ хорошую сторону. Это только о Сынѣ и Духѣ Святомъ. Что же касается до другихъ догматовъ, то и Евсевій, и Дидимъ весьма ясно склоплются къ мнѣніямъ Оригена, и то, что отвергаютъ всѣ церкви, они защищаютъ, какъ сказанное православно и благочестиво.

18. Однако посмотримъ, какими доводами онъ старается доказать, что сочиненія Оригена испорчены еретиками: »Елиментъ—говоритъ онъ,—ученикъ апостольскій, который, послѣ апостоловъ былъ епископомъ и мученикомъ Римской церкви, издавъ книги, которыя называются *Ἀνθυμιόλιος*, то есть »*Воспоминаніе*; тогда какъ въ нихъ въ весьма многихъ мѣстахъ излагается ученіе отъ лица апостола Петра, какъ бы истинно-апостольское, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вно-

дится ученіе Евномія, такъ что можно подумать, что это ничто иное, какъ разсужденіе самого Евномія, увѣряющаго, что Сына Божій сотворенъ изъ ничего.» И послѣ многого иного, о чемъ долго было бы писать, онъ говоритъ: »какъ, спрашивается, пужно думать объ этомъ: — такъ-ли, что мужъ апостольскій нависалъ еретическое, или, лучше, такъ, что злонамѣренные люди для подтвержденія своихъ ученій, чтобы возбудить къ нимъ больше довѣрія, внесли подъ именемъ святыхъ мужей то, что не можетъ быть признано ихъ ученіемъ и писаніями?« Онъ пишетъ, что также Климентъ, пресвитеръ Александрійской церкви, мужъ православный, въ своихъ книгахъ иногда вазываетъ Сына Божія сотвореннымъ, и что Діонисій, епископъ города Александріи, человекъ ученійный, полемизируя въ четырехъ томахъ противъ Савеліяна, склоняется къ аріанскому ученію, и этими примѣрами старается доказать, что не церковные и православные мужи неправо мыслили, но что ихъ сочиненія испорчены еретиками, и заключаетъ слѣдующими словами: »и относительно Оригена, у котораго, также какъ у вышеупомянутыхъ писателей, встрѣчаются нѣкоторыя разности, почему бы не слѣдовало также думать, какъ думаютъ и понимаютъ относительно уже признанныхъ православными мужей, чтобы для одинаковой вины было и одинаковое оправданіе? Но если допустить, что все встрѣчаемое въ книгахъ вредное испорчено другими, то ничего не будетъ принадлежать тѣмъ, подъ чьими именами оно издается, а все—тѣмъ, кому приписывается поврежденіе; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно не будетъ ихъ собственностью, такъ какъ имена ихъ неизвѣстны, то выйдетъ, что все принадлежитъ всѣмъ и ничто не принадлежитъ никому въ частности. При такой путаницѣ въ зачитѣ, нельзя будетъ обвинять ни Маркіона, ни Маніхея, ни Арія, ни Евномія, такъ какъ въ чемъ бы сказано почестно мы ни укоряли ихъ, ученіи ихъ

будутъ отвѣчать, что это не учителями ихъ такъ издано, а повреждено врагами. Такимъ родомъ и самая твоя книга будетъ не твоею, а, можетъ быть, моею. И моя книга, которую я, обвиняемый, отвѣчаю тебѣ, если ты найдешь въ ней что-нибудь нехорошее, будетъ принадлежать не мнѣ, а тебѣ, порицающему ее. И, относя все къ еретикамъ, что припишешь ты церковнымъ писателямъ, которымъ ничего не оставляешь въ собственность? Какимъ же образомъ, скажешь ты, въ ихъ книгахъ явились нѣкоторыя погрѣшности? Если я отвѣчу, что мнѣ неизвѣстны причины погрѣшностей, то этимъ еще не признаю ихъ еретиками. Можетъ быть, или они по простотѣ ошиблись, или въ иномъ смыслѣ написали, или сочиненія ихъ мало по маду были испорчены неопытными переписчиками, или по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ родился въ Александріи, какъ бѣсть полуденный, Аріій, они кое-что сказали простосердечно и не совѣмъ осторожно, что не можетъ отклонить обвиненія злопамѣренныхъ людей. Обвиняются заблужденія Оригена, а ты не его защищаешь, а другихъ обвиняешь; не отвергаешь вины, а разыскиваешь многихъ виновниковъ. Еслибы тебѣ говорили: кого Оригенъ имѣетъ сообщниками въ ереси, то ты справедливо выставялъ бы это. Теперь тебя спрашиваютъ: хорошо или дурно то, что читается въ книгахъ Оригена? Ты молчишь и вмѣсто этого говоришь другое: Климентъ такъ говорить, у Діонисія замѣчается этоже заблужденіе, епископъ Афанасій такъ защищаетъ заблужденіе Діонисія, подобнымъ образомъ повреждены писанія апостоловъ. Теперь и на тебя иными взводится обвиненіе въ ереси, а ты молчишь за себя, и говоришь за меня. Я никого не обвиняю, довольствуясь тѣмъ, чтобы отвѣчать только за себя. Я не таковъ, какъ ты обвинишь меня; если же ты таковъ, какъ тебя обвиняютъ, то ты самъ представляешься такимъ. Ни

Творенія блаженнаго Іеронима.

мое оправданіе, ни твое обвиненіе не докажутъ ни мой, ни твоей ни невинности, ни виновности.

19. Указавши на порчу еретиками твореній апостоловъ, обоихъ Климентовъ и Діонисія, онъ переходитъ къ Оригену и говоритъ слѣдующими словами: »Мы доказали это сочиненіями и словами его самого, жалующагося и оплакивающаго это. Ибо, что самъ онъ, еще живя во плоти, чувствуя и видя, потерявъ какъ отъ порчи своихъ книгъ и бесѣдъ, такъ и отъ подлога изданій, это ясно видно изъ собственнаго его письма, которое онъ пишетъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей въ Александрію.« И непосредственно приводитъ выдержку изъ письма и, приписывая еретикамъ подлогъ сочиненій Оригена, самъ начинаетъ съ подлога: онъ не такъ переводитъ, какъ стоитъ въ греческомъ и не то передаетъ латинянамъ, что самъ видитъ въ его письмѣ. Оригенъ во всемъ томъ письмѣ поноситъ Димитрія, епископа города Александріи, нападаетъ на епископовъ и клириковъ всей вселенной и говоритъ, что онъ несправедливо отлученъ церквами и что не хочетъ на злословіе отвѣчать тѣмъ же, чтобы конечно не могъ казаться злословнымъ человѣкъ, настолько опасующійся злословія, что не смѣлъ злословить даже діавола,—чѣмъ онъ и далъ Кандиду, послѣдователю Валентинава ученія, поводъ къ обвиненію его въ томъ, что онъ призналъ діавола способнымъ спасти. А онъ, скрывши содержаніе письма, приписываетъ Оригену то, чего тотъ не говоритъ. Поэтому я перевелъ часть письма изъ сказаннаго въ немъ выше, и при этомъ выставилъ то, что имъ переведено съ пропусками и лукаво, чтобы самъ читатель понялъ, съ какою цѣлію онъ умалчалъ о предъидущемъ. Разсуждая вообще противъ святителей церкви, которыми онъ признанъ недостойнымъ общенія, онъ говоритъ: «Что нужно сказать о рѣчахъ пророковъ, въ которыхъ они весьма часто гразятъ пастырямъ, и старѣй-

пинамъ, и священникамъ, и начальникамъ народа, и обличаютъ ихъ? Это и безъ насъ вы можете усмотрѣть изъ священныхъ Писаній и ясно видѣть, что, можетъ быть, теперь то время, о которомъ говорится: *не вѣрите другому, ни надѣйтесь на старѣйшины* (Мих. 4, 5). И не пынѣ-ли исполняется пророчество: *вожди людей моихъ Мене не познаша: сынове буи суть и безумны, мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Иерем. 4, 22). Мы должны болѣе сожалѣть и молиться о нихъ, нежели злословить ихъ. Ибо мы сотворены для благословенія, а не для злословія. Поэтому и Михаилъ, когда говорилъ съ диаволомъ, споря о тѣлѣ Моисеевомъ, то и на столь злаго не дерзнулъ произнести укоризненного суда, но сказалъ: «да укорить тебя Господь» (Іуд. 1, 9). Нѣчто подобное этому мы читаемъ также и у Захаріи: «да укорить Господь тебя, диаволь, и да укорить тебя Господь, избравшій Іерусалимъ» (Зах. 3, 2). Поэтому и мы желаемъ, чтобы Господь укорялъ тѣхъ, которые не хотятъ со смиреніемъ быть укоряемыми отъ ближнихъ. И когда Михаилъ говоритъ: *да укоритъ тебя Господь* и подобнымъ же образомъ Захарія, то будетъ ли Господь укорять діавола или не будетъ, это Онъ Самъ усмотритъ, и если будетъ укорять, то какъ будетъ укорять, Самъ опредѣлитъ». И послѣ многого другаго, что долго выписывать, онъ прибавляетъ: «Мы знаемъ, что будутъ извергнуты изъ царства небснаго не только совершившіе важныя грѣхи, напримѣръ блудники, прелюбодѣи, мужеложники, воры, но и согрѣшившіе въ менѣе важномъ, по написанному: *ни пїяницы ни досадители царствїа Божїа не наследуютъ* (1 Кор. 6, 10) и что есть мѣра какъ въ благодати, такъ и въ гнѣвѣ Божіемъ. Поэтому во всемъ мы стараемся поступать осторожно, и въ употребленіи вина, и въ воздержаніи языка, чтобы не дерзать злословить кого-либо. Но тогда какъ по страху Божію мы опасаемся зло-

словить кого-либо, памятуя изреченіе: *не смѣяше суда навѣсти хула* (Іуд. 9), сказанное о Михайлѣ по отношенію къ діаволу, и другое: *господства отнимаются, славы же хулятъ* (тамъ же ст. 8),—иѣкоторые изъ тѣхъ, которые любятъ изобрѣтать ссоры, приписываютъ намъ и нашему учению хулу, относительно которой пусть сами разсудятъ, какъ они услышатъ оныя слова: «ни пьяницы, ни злорѣчивые царства Божія не наследуютъ» хотя они говорятъ, что отецъ злобы и погибели тѣхъ, которые будутъ извергнуты изъ царства Божія, можетъ спастись, что даже умалишенный не можетъ сказать». Остальное изъ этого письма онъ перевелъ вмѣсто того, что мы перевели въ концѣ словами: «но тогда какъ вслѣдствіе страха Божія мы опасаемся злословить кого-либо» и пр. Именно онъ, коварно отсѣкши предъидущее, отъ котораго зарисеть послѣдующее, такъ начинать переводить письмо, какъ будто бы предшествующее начало имѣло этотъ смыслъ, и говорить: «Иѣкоторые изъ тѣхъ, которые находятъ удовольствіе въ обвиненіи своихъ ближнихъ, приписываютъ намъ и нашему учению вину въ богохульствѣ, чего никогда не слыхали отъ насъ; пусть объ этомъ судятъ сами они, не желающие соблюдать той заповѣди, которая гласитъ, что «злорѣчивые царства Божія не наследуютъ, и говоряще, будто я утверждаю что отецъ злобы и погибели тѣхъ, которые извергнутся изъ царства Божія, т. е. діаволъ, спасется, чего не можетъ сказать даже умалишенный и явно сумасбродствующій».

20. Сличите слова Оригена, которыя я выше дословно перевелъ, съ тѣмъ, что имъ не переведено, а искажено, и вы увидите, сколько разности не только въ словахъ, но и въ мысляхъ. И умоляю васъ не тяготиться этимъ довольно длиннымъ переводомъ. Я перевелъ все для того, чтобы показать, почему онъ умалчиваетъ о предъидущемъ. У грековъ есть діалогъ Оригена и Кандида, записника Валентиновой

ереси, на который и смотрѣлъ, признаюсь, какъ на сраженіе двухъ андабатовъ ¹⁾ между собою. Кандидъ говоритъ, что Сынъ имѣеть бытіе изъ существа Отца, заблуждаясь въ томъ, что признаеть *προβολήν*, то есть изведеніе (*prolatio*). Наоборотъ, Оригенъ согласно съ Аріемъ и Евноміемъ опровергаетъ, что Онъ изведенъ (*prolatum esse*) или рожденъ, чтобы Богъ Отецъ не раздѣлялся на части; но говоритъ, что высшее и превосходящее твореніе произошло по изволению (*voluntate*) Отца, какъ и прочія творенія. Затѣмъ переходятъ они ко второму вопросу. Кандидъ утверждаетъ, что діаволъ—существо самой злой природы и такой, которая никогда не можетъ спастись. Противъ этого Оригенъ прямо отвѣчаетъ, что діаволъ не такой природы, которая должна погибнуть, но что онъ нѣтъ по собственной волѣ и можетъ спастись. Это Кандидъ обращаетъ въ обвиненіе, какъ будто бы Оригенъ сказалъ, что діаволъ по природѣ долженъ спастись; послѣдній (Оригенъ) опровергаетъ то, въ чемъ тотъ несправедливо обвиняетъ его. И мы знаемъ, что только въ этомъ діалогѣ Оригеномъ обвиняется порча со стороны еретиковъ, а не въ прочихъ его книгахъ, относительно которыхъ никогда не было вопроса. Въ противномъ случаѣ, если все еретическое будетъ принадлежать не Оригену, а еретикамъ,—а его томы почти все полны этихъ заблужденій,—то ничто не будетъ принадлежать Оригену, а тѣмъ, имена которыхъ неизвѣстны. Для него недостаточно обвинять грековъ и древнихъ, на которыхъ, вслѣдствіе давности времени и отдаленности странъ, онъ можетъ изводить что ему угодно; онъ переходитъ къ латинянамъ и прежде всего ссылается на Иларія псевдодоника, будто бы его книга послѣ

¹⁾ Такъ назывались гладіаторы, сражавшіеся въ шлемахъ съ закрытыми забраломъ глазами.

Ариинскаго собора была испорчена еретиками, и когда на соборѣ епископовъ по этому дѣлу возбужденъ былъ вопросъ, то онъ будто бы приказалъ принести эту книгу изъ своего дома, книгу, которая, при невѣдѣніи съ его стороны и находясь въ его шкафахъ, считалась еретическою. И когда она была принесена и всѣми признана еретическою, то авторъ ся былъ отлученъ и удаленъ изъ собранія собора. Онъ считаетъ себя настолько авторитетнымъ, что, когда онъ рассказываетъ эту сказку своимъ сторонникамъ, то никто не смѣетъ противорѣчить ему, возводящему это на неовѣдника. Прошу отвѣтить: въ какомъ городѣ былъ тотъ соборъ, на которомъ онъ былъ отлученъ? Назови имена епископовъ; скажи о подписавшихъ опредѣленіяхъ, о несогласіи или согласіи съ ними. Сообщи: какіе въ тотъ годъ были консулы, какой императоръ повелѣлъ собраться этому собору, были ли на немъ епископы только Галліи или и Італіи, и Іспаніи, или, по крайней мѣрѣ, по какому дѣлу былъ собранъ соборъ. Ты ничего этого не говоришь, а чтобы защитить Оригена, клеветешь, будто соборомъ былъ отлученъ красно-рѣчивѣйшій мужъ, труба латинской рѣчи противъ аріанъ. *Но перечисль какъ нибудь клевету на неовѣдника. Онъ переходитъ къ славному мученику Кипріану и говоритъ, что книга Тертуліана, озаглавленная О Троицѣ, читается подъ его именемъ въ Константинополѣ еретиками Македонской партіи. Въ этомъ обвинении обоганы двое. Ибо эта книга и не принадлежитъ Тертуліану, и не называется Киприановою, а принадлежитъ Новаціану, именемъ котораго и озаглавляется; это видно и изъ языка автора, и изъ стилистическихъ особенностей.*

21. Излишнимъ считаю я опровергать и тѣ явные не-
дѣльности, когда мнѣ выставляютъ басню обо мнѣ же: будто

соборъ ¹⁾, въ лицѣ одного друга епископа Римскаго Дамаса, просилъ меня, которому онъ поручилъ составленіе церковныхъ посланій, просилъ, чтобы описаны были продѣлки Аполлинаристовъ, что они, взятую мною для прочтенія книгу Авапасія, гдѣ написано: *Господень человекъ*, испортили такимъ образомъ, что по выскобленному нависали слова то, что выскоблили, для того именно, чтобы это казалось не испорченными ими, а прибавленными мною. Прошу тебя, дорогой другъ, въ церковныхъ трактатахъ, гдѣ дѣло идетъ объ истинности догматовъ и о спасеніи нашихъ душъ, гдѣ требуется авторитетъ старѣйшихъ (патерис), опускать подобнаго рода глупости, и басни рассказываемыя за обѣдами и ужинами не считать за доказательство истины. Вѣдь можетъ быть, что, даже если ты слышалъ отъ меня и правду, иной, не знающій этого дѣла, скажетъ, что это твоё сочиненіе и выдуманно подобно жиму Филистіона или изыщной шуткѣ Лентула и Маруллы ²⁾.

22. До чего не доходитъ однажды разнузданное безразсудство! Послѣ отлученія Иларія, послѣ *федератрарен* (должно написанной) книги Кипріана, послѣ порчи и вмѣстѣ приписки въ книгѣ Авапасія, которая и просилась, онъ набросился, наконецъ, на нашу Епифанія и въ апологія за Оригена выражаетъ свою сердечную скорбь по поводу того, что тотъ въ письмѣ къ епископу Іоанну объявилъ его еретикомъ, и утѣшаетъ себя слѣдующими словами: «Особенно здѣсь умѣстно раскрыть скрытую истину. Пбо невозможно, чтобы какой-либо человекъ былъ настолько несправед-

¹⁾ Разумѣется, вѣроятно, Римскій Соборъ 382, года, бывшій при Римскомъ епископѣ Дамасѣ.

²⁾ Филистіонъ, Лентулъ и Маруллъ извѣстны какъ авторы народныхъ комическихъ произведеній, шимовъ.

лишь, чтобы объ одинаковомъ дѣлѣ судить неодинаково. Но дѣло въ томъ, что сочинителями упресковъ являются тѣ, которые, разсуждая, по своему обыкновенію, очень подробно въ церкви или даже составляя книги, все говорятъ и пишутъ на основаніи Оригена. Чтобы скрыть отъ большинства свои тайныя замѣтнованія, которыя, конечно, нисколько бы не казались преступными, еслибы они не были неблагодарны къ своему учителю, они отклоняютъ всѣхъ болѣе простыхъ людей отъ чтенія его. Наконецъ нѣкто изъ нихъ же самихъ, считающій злословіе объ Оригенѣ столь же необходимымъ, какъ проповѣдь евангелія между всѣми народами и на всѣхъ языкахъ, признался при весьма большомъ собраніи слушающихъ братій, что читалъ шесть тысячъ его книгъ. Конечно, еслибы онъ читалъ для ознакомленія съ его заблужденіями (какъ онъ обыкновенно говоритъ), то для ознакомленія достаточно было бы десяти или двадцати или, въ крайнемъ случаѣ, тридцати книгъ. Но читать шесть тысячъ его книгъ, это уже не значить желать ознакомиться съ его заблужденіями и промахами, а посвятить почти всю жизнь учению и изученію его. Какъ же, значить, по достоинству должно относиться къ его словамъ, когда онъ обвиняетъ тѣхъ, которые ради собственнаго наставленія (сохраняя правило вѣры и безъ ущерба для благочестія) прочитали очень немногое изъ его сочиненій?

23. Кто это тѣ, которые обыкновенно очень подробно разсуждаютъ въ церкви, которые пишутъ книги, которые все говорятъ и пишутъ на основаніи Оригена, которые, желая скрыть свои тайныя замѣтнованія и будучи неблагодарны къ учителю, отклоняютъ болѣе простыхъ людей отъ чтенія его? Ты долженъ назвать по именамъ и указать самыхъ людей. Значить, блаженные епископы Апостасій и Ософій, и Венерій, и Хромацкій и весь соборъ православныхъ какъ востока такъ и запада, которые единомысленно,

ибо единодушно, объявляютъ его предъ народамъ еретикомъ, должны считаться тайными заимствователями изъ его книгъ, и проповѣдуя въ церквахъ, излагаютъ не тайны Иисавій, а тайно заимствованное изъ Оригена? Неужели тебѣ недостаточно повсюду всѣхъ порицать если ты въ частности не направишь острія своего стиля противъ блаженнаго и славнаго святителя церкви? Кто это тотъ, который злословіе объ Оригенѣ считаетъ столь же необходимымъ для себя, какъ проповѣдь евангелія между всѣми народами и на всѣхъ языкахъ? Кто въ весьма большомъ собраніи слушающихъ братій признался, что онъ прочиталъ шесть тысячъ его книгъ? Въ какомъ это большомъ собраніи и толпѣ братій присутствовалъ и ты, когда онъ (Евифаній) въ своемъ письмѣ (а не въ собраніи) жалуется, что въ защиту ереси Оригена тобою высказаны нечестивыя ученія? Неужели нужно поставить ему въ вину то, что онъ знаетъ греческій, сирійскій, еврейскій, египетскій и отчасти латинскій языкъ? Значитъ, и апостолы, и мужи апостольскіе, которые говорили языками, виновны, и надо мною, трехъязычнымъ, ты, двуязычный ¹⁾, будешь смѣяться? Что же касается до шести тысячъ его книгъ, которыя, какъ ты измыслила, были прочтены имъ, то кто повѣритъ или тому, что ты говоришь правду, или, что онъ могъ дѣлать? Ибо еслибы Оригенъ написалъ шесть тысячъ книгъ, то могло статься, что ученѣйшій мужъ, съ дѣтства наученный Священному Иисавію, ради любознательности и знанія читать и постороннее. Но какъ онъ могъ читать то, чего тотъ не написалъ? Пересчитай заглавія книгъ, заключающіяся въ третьемъ томѣ Евсевія, гдѣ онъ описалъ жизнь Памфила, и ты не найдешь,—не говорю шести тысячъ,—а и третьей части. Мы имѣемъ письмо

¹⁾ Блаж. Іеронимъ зналъ еврейскій, греческій и латинскій языки, а Руфинъ только греческій и латинскій.

вышеназваннаго епископа, въ которомъ онъ отвѣчаетъ на эту твою клевету, когда ты былъ еще на востокѣ, и явную ложь опровергаетъ съ спокойнымъ челомъ истины.

24. Послѣ всего этого ты въ своей Апологіи осмѣлился говорить, что ты ни защитникъ, ни заступникъ Оригена, въ защиту котораго Памфилъ и Евсевій, по твоему мнѣнію, мало сказали. Противъ этихъ сочиненій (если Господь предлѣтъ эту жизнь) я постараюсь отвѣтить въ другое время. Теперь достаточно будетъ высказаться только противъ твоихъ обвиненій и благоразумному читателю кратко объяснить то, что ту книгу, которая приписывалась Памфилу, въ первый разъ я увидѣлъ написанною въ твоихъ кодексахъ, а такъ какъ мнѣ не было дѣла до того, что говорилось въ защиту еретика, то я всегда считалъ сочиненія Памфила и Евсевія за различныя, но впоследствии, когда было поднятъ вопросъ, я пожелалъ отвѣтить на ихъ сочиненія и поэтому прочиталъ то, что каждый изъ насъ думалъ въ пользу Оригена, и ясно понялъ, что первая книга изъ шести томовъ Евсевія есть та самая, которая одна издана тобою подъ именемъ Памфила какъ на греческомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ, съ измѣненіемъ только показывавшихъ явное богохульство мнѣній о Сынѣ и Духѣ Святомъ. Поэтому почти еще десять лѣтъ назадъ, когда другъ мой Декстръ, бывшій префектомъ гвардіи, просилъ меня составить для него списокъ писателей нашей религіи, я между прочими авторами помѣстилъ и эту книгу, изданную Памфиломъ, будучи такого же мнѣнія о ней, какое обнаружено тобою и твоими учениками. Но такъ какъ самъ Евсевій говоритъ, что Памфилъ ничего не написалъ кромѣ краткихъ писемъ къ друзьямъ, и такъ какъ первая книга изъ шести томовъ его содержитъ въ себѣ тоже и въ тѣхъ же выраженіяхъ, что должно выдано тобою съ именемъ Памфила, то очевидно, что ты для того хотѣлъ распространить эту кни-

гу, чтобы отъ лица мученика ввести ересь. И такъ какъ изъ этой самой книги, которую ты выдаешь за Памфилову, ты многое искажилъ, и въ греческомъ стоитъ иначе, а въ латинскомъ иначе, то ты не долженъ свой обманъ приписывать моему ошибкѣ. Ибо я повѣрилъ, что эта книга принадлежитъ тому, именемъ котораго она озаглавлена, подобно тому какъ пері Архѣи и многія другія сочиненія Оригена и весьма многихъ греческихъ писателей, которыхъ я или не читалъ прежде, или только теперь вынужденъ прочитать, когда поднять вопросъ о ереси, чтобы знать, что и долженъ избѣгать и что одобрять. Поэтому и во время своей юности, вслѣдствіе искреннихъ просьбъ, я перевелъ только бесѣды его, которыя онъ говорилъ народу и въ которыхъ не столько соблазнительнаго, перевелъ, никого не предубѣждая между одобрительнымъ принимать то, что явно еретическое. Безъ сомнѣнія (чтобы не говорить долго), какъ я доказываю, что я получилъ книгу отъ тѣхъ, которые списали ее съ твоего кодекса, такъ и ты, скажи, отъ кого ты получилъ экземпляръ ея, чтобы можно было считать виновнымъ въ подлогѣ того, кто не можетъ указать другаго виновника. *Благій человекъ отъ благаго сокровища сердца износитъ благая* (Матт. 12, 35) и по сладости плодовъ узнается дерево благороднаго сѣмени.

23. Братъ Евсей пишетъ, что у африканскихъ епископовъ, по дѣламъ церкви прибывшимъ въ Комитатъ, онъ нашелъ написанное будто бы моимъ именемъ писъмо, въ которомъ я выражаю раскаяніе и свидѣтельствую, что въ юности я соблазненъ былъ евреями перевести на латинскій языкъ еврейскія книги, въ которыхъ нѣтъ ничего вѣрнаго. Я изумился, услышавши это. Такъ какъ *при устъхъ двою или трієхъ свидѣтелей станеть всякъ глаголъ* (Матт. 18, 16; 2 Кор. 13, 1), а одному свидѣтелю, хотя бы онъ былъ и Катонъ, не вѣрять; то въ томъ же самомъ убѣди-

ли меня и письма братій изъ Рима, которые распространяли, правда ли это, и съ присовѣремъ указывали вѣмъ было распространено въ народѣ это письмо. На что другое не рѣшится тотъ, кто осмѣлился это сдѣлать? Хорошо, что злоба не имѣетъ столько силъ, сколько замысловъ. Погибла бы перинность, если бы съ подлостью всегда соединялась сила и клевета могла дѣлать все, что хочеть. Подъ мой слогъ, каковъ бы онъ ни былъ, и подъ мою манеру изложения краснорѣчивѣйшій мужъ поддѣлаться не могъ; но въ самыхъ поддѣлкахъ и въ лживо нацѣтой на себя маскѣ другого онъ показавъ, кто онъ. Итакъ тотъ, кто выдумалъ письмо отъ моего имени въ расказаніи что я дурно перевелъ еврейскія книги, говорить, упрямать меня въ томъ, что я перевелъ Священное Писаніе для осужденія Семидесяти, такъ что,—истинно или ложно посреденное мною,—во всякомъ случаѣ я остаюсь виноватымъ: такъ какъ или въ послѣднемъ сочиненіи я сознаюсь, что допустилъ ошибку, или полное изданіе должно быть осужденіемъ прежняго (Семидесяти). Удивляюсь, какъ онъ въ томъ же письмѣ не называетъ меня человекоубійцею, прелюбодѣемъ, святотатцемъ, отцеубійцею и вѣмъ тѣмъ, что только можетъ измыслить постыднаго тайная фантазія. Я долженъ поблагодарить его, что изъ массы существующихъ преступленій, онъ обвиняетъ меня въ одномъ—преступленіи заблужденія или искаженія. Неужели я говорилъ что побудь противъ Семидесяти толковниковъ, которыхъ, за много лѣтъ тому назадъ, въ тщательнѣйше направленномъ видѣ, я падалъ для изучающихъ Писаніе людей моего языка,—которыхъ я ежедневно изъясняю въ собраніи братій, которыхъ псалмы я пою съ неслабымъ углубленіемъ въ нихъ? Неужели я былъ столь безразсуденъ, что захотѣлъ въ старости забыть то, что изучилъ въ отрочествѣ? Все мои сочиненія прогнаны нѣхъ свидѣтельствами. Комментаріи на двѣнадцать пророковъ даютъ объясненіе и

на мой переводъ и на переводъ Семидесяти. О труды людскіе, постоянно обманчивые! О стремленія смертныхъ, иногда достигающія противныхъ цѣлей! Чѣмъ я думалъ оказать добрую услугу своимъ латинянамъ и возбудить умы панихъ къ изученію (Св. Писанія), чѣмъ послѣ столькихъ переводчиковъ не гнушаются и греки, переводя съ латинскаго,—этимъ я навлекаю на себя обвиненіе и даю нищу желудку, брезгающему ею. И что въ человѣкѣ безопасно, если невинность преступна! Когда спалъ господинъ, врагъ человѣкъ посягалъ идевелы (Матѣ. 13, 25). *Озоба* виноградъ *вспрь отъ дубравы и уединенный двій поде я* (Исая. 79, 14). Я молчу, а письма, не писанныя мною, говорятъ противъ меня. Я не знаю преступленія, а предъ всѣмъ міромъ признаюсь въ преступленіи. *Горе мнѣ, мати моя, вскую мя родила еси, мужа пришедшаго и сущаго по всей земли* (Іерем. 13, 10)!

26. Свидѣтели по этому дѣлу — всѣ предисловія къ Вѣтхому Заѣту, выдержки изъ которыхъ я отчасти привожу здѣсь. И излишне писать о сказанномъ въ нихъ иначе, чѣмъ какъ тамъ сказано. Итакъ начну съ Бытія. Прологъ къ этой книгѣ слѣдующій: «Я получилъ желанныя письма моего Деидерія, который, по нѣкоему предчувствію будущаго, получилъ ими общее съ Даниломъ ¹⁾ и который проситъ меня, чтобы я своимъ (латинянамъ) далъ Пятоннижисъ въ переводѣ съ еврейскаго языка на латинскій. Конечно, это дѣло опасное и открытое для упрековъ со стороны порицателей, которые утверждаютъ, что я, въ униженіе Семидесяти толковниковъ, составляю новое вмѣсто стараго, хвали умъ такъ же какъ вино, тогда какъ я весьма часто говорилъ,

¹⁾ Блаж. Іеронимъ сближаетъ имя Деидерія, которое означаетъ *желаніе*, съ названіемъ пророка Данила *мужемъ желаній* (Дан. 9, 23).

что и по мѣрѣ силъ предлагаю въ свиніи Божіей то, что могу, и что богатство одного не унижается бѣдностію другихъ. На такое смѣлое предпріятіе вызвалъ меня трудъ Оригена, который къ древнему изданію присоединилъ переводъ Θεοδοтіона, размѣчая все произведеніе астерискомъ \dagger и обелискомъ —, то есть звѣздочкою и копьемъ, такъ какъ онъ или освѣщать (астерискомъ или звѣздочкою) то, чего прежде было меньше, или пронасти и прокалывать (копьемъ) все издѣланное и въ особенности то, что возвыщено авторитетомъ евангелистовъ и апостоловъ. У нихъ мы читаемъ многое изъ Вѣтнаго Завета, что въ нашихъ кодексахъ пѣтъ, какъ на-примѣръ слѣдующее: *отъ Югипта воззвахъ Сына Моего* (Матѣ. 2, 15); *яко назорей наречетъся* (Матѣ. 2, 23); *воззрѣтъ на ны, Его же прободоши* (Іоанн. 19, 37); *рыки отъ чрева Его истекутъ воды живы* (Іоаннѣ, 7, 38); *иже око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце чело-вѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9), и многое иное, что требуетъ особаго объясненія (сочиненія). Спросимъ же ихъ: гдѣ это написано? И такъ какъ они не скажутъ намъ этого, то мы приведемъ это изъ еврейскихъ книгъ. Первое свидѣтельство находится у Осіи (11, 1), второе у Исаіи (11, 1), третье у Захаріи (12, 10), четвертое въ Притчахъ, пятое также у Исаіи (64, 4) Многіе, не зная этого, слѣдуютъ баснямъ апокрифовъ, и иберійскіе вымыслы предпочитаютъ подлиннымъ книгамъ. Не мое дѣло излагать причины неправильности. Іудеи говорятъ, что это сдѣлано (Семидесятью) съ благоразумнымъ намѣреніемъ, — чтобы Птоломей, почитатель единого Бога, не подумалъ, что и у евреевъ два божества, — и это они сдѣлали главнымъ образомъ потому, что Птоломей повидимому склонялся къ ученію Платона. Потому, вездѣ гдѣ Писаніе сообщаетъ что-либо таинственное объ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святѣмъ, они или иначе переводили, или совсѣмъ не переводили (tacuerunt),

чтобы и царя удовлетворить, и тайну вѣры не разглашать въ народѣ. Я не знаю, какой авторъ первый своею ложью построилъ въ Александріи семьдесятъ комнатъ, раздѣленные по которымъ они (Семьдесятъ толковниковъ) изъясняли одно и тоже, когда Аристей, *ὑπερασπιστής* (защитникъ) того же Иудея и, спустя немного времени, Іосифъ ничего подобнаго не сообщили, а пишутъ, что они, соединенные въ одной базиликѣ, сличали, а не пророчествовали. Ибо иное дѣло быть пророкомъ, и иное быть пересодчикомъ. Тамъ предсказывать Духъ Святый, здѣсь ученость и словесное искусство переводить то, что понимаютъ. Развѣ, можетъ быть, слѣдуетъ полагать, что и Туллій, по вдохновенію отъ риторическаго духа, перевелъ сочиненіе Кеснофона о хозяйствѣ (Οικονομικόν), Платонова Протагора и рѣчь Демосфена въ защиту Блезифона, — полагать, чтобы объяснить, почему изъ однихъ и тѣхъ же книгъ Духъ Святый иначе приводитъ свидѣтельства чрезъ Семьдесятъ и иначе чрезъ апостоловъ, и о чемъ первые умолчали, то послѣдніе измыслили написаннымъ. Такъ что же? Мы осуждаемъ древнихъ? Нисколько. Но послѣ трудовъ предшественниковъ мы трудимся въ дому Господнемъ чѣмъ можемъ. Они переводили прежде пришествія Христова, и то чего не знали передавали общедными мыслями. Мы, послѣ страданія и воскресенія Лю, пишемъ не столько пророчество, сколько исторію. Ибо иначе передается слышанное, иначе видѣнное. Что мы лучше знаемъ, то лучше и передаемъ. Слушай же, ревнитель, и внемли, порицатель! Я не осуждаю, не укоряю Семидесятъ; но твердо предпочитаю всѣмъ имъ апостоловъ. Чрезъ ихъ уста глаголетъ мѣстъ Христосъ; прежде пророковъ я читаю ихъ между духовно-облагодѣствованными, среди которыхъ толковники занимаютъ почти послѣднее мѣсто. Чего ты терзаешься злобою? Чего возбуждаешь противъ меня умы и вѣжды? Если тебѣ кажется, что я гдѣ ~~либо~~ въ перекодѣ

ошибаюсь, то спроси евреевъ, посоветуйся съ учителями разныхъ городовъ. Что о Христѣ имѣють они, того въ твоихъ кодексахъ нѣтъ. Иной вопросъ—привыкаютъ ли имъ свидетельства, употребленныя впоследствии противъ нихъ апостолами, и въ этомъ отношеніи латинскіе списки лучше греческихъ и греческіе лучше еврейскихъ».

27. Также въ книгахъ Самуила и Малахима, которые мы называемъ четырьмя книгами Царствъ, послѣ перечня книгъ божественнаго Писанія я прибавилъ слѣдующее. «Если это такъ, то прощу тебя, читатель, не считать моего труда униженіемъ древнихъ. Въ скинии Божіей каждый приносить что можетъ. Одни приносятъ золото, серебро и драгоценныя камни, другіе виссонъ, пурпуръ, червленъ и гіацинтъ. Для насъ хорошо и то, если мы принесемъ кожи и козью шерсть. И однако апостолъ наше, болѣе презираемое, считаетъ болѣе необходимымъ (1 Кор. 12, 22). Поэтому и вся та красота скинии, и раздѣленіе ея на частныя виды церкви паствящей и будущей закрывается кожами и власниками, и то что кажется худшимъ защищаетъ отъ зноя солнечнаго и поврежденія отъ непогоды». Смотри, съ какою гордостію отношусь я въ Семидесяти толковникамъ, когда говорю, что они принесли въ скинію Божію золото, драгоценныя камни и пурпуръ, а я кожи и козью шерсть!

28. Представлю и другое свидетельство, чтобы ты не сказалъ, что я теперь, вынужденный необходимостію, перемѣнилъ мѣсто. Въ книгѣ Времени, то есть Паралипоменонъ, которая по еврейски называется Dabre Iamim, я сдѣлалъ слѣдующее предисловіе для святаго папы Хромація: «Еслибы изданіе Семидесяти осталось чистымъ и въ томъ видѣ, какъ оно переведено нами на греческій языкъ, то излишне было бы тебѣ, мой Хромацій, святѣйшій и ученѣйшій изъ епископовъ, побуждать меня къ тому, чтобы я перевелъ для

тебя еврейскія книги на латинскій языкъ. Пбо что разъ овладѣло слухомъ людей и укрѣнило вѣру разжаряющейсѣ церкви, то справедливо должно одобряться и нашимъ молчаніемъ. Но такъ какъ теперь въ различныхъ странахъ находится въ обращеніи различные списки и тотъ подлинный и древній переводъ испорченъ и поврежденъ, то ты считаешь нашею обязанностію или на основаніи многихъ списковъ опредѣлить что истинно, или въ старомъ дѣлѣ произвести дѣло новое, и тогда какъ іудеи смѣются надъ нами, выколоть, какъ говорится, глаза у воронъ. Александрія и Египетъ въ своемъ изданіи Семидесяти восхваляютъ какъ автора Исихія; отъ Константинополя до Англіи одобряются списки Лувіана мученика; въ промежуточныхъ между ними областяхъ, читаются кодексы, которые, въ обработкѣ Оригена, были изданы Евсевіемъ и Памфиломъ, и ко всемъ мѣстамъ простираются споры вѣдѣствіе этого троякаго различія. Оригенъ не только соединилъ списки четырехъ изданій, отмѣчая на полѣ каждое слово, чтобы одинъ разногласій тотчасъ же обладался взаимнымъ согласіемъ прочихъ; но, что было болѣе смѣло, въ изданіи Семидесяти присоединилъ изданіе Оеодотіова, обозначая звѣздочками то, что не доставало, и чертами то, что казалось излишнее прибавленнымъ. Итакъ, если другимъ можно было не держаться того, что разъ они приняли, и послѣ семидесяти комматъ, о которыхъ разсказывается народу безъ указанія автора, открывать особыя комматъ, если въ церквахъ читается то, чего не знали Семидесять, то почему мои латиняне не принимаютъ меня, который, оставивши неприкосновеннымъ старое изданіе, такъ составилъ новое, что трудъ свой могу подтвердить авторитетомъ свреень и (что важнѣе ихъ) апостоловъ? Недавно я написалъ книгу «О лучшемъ способѣ перевода», доказывая, что слѣдующія мѣста изъ Евангелія: *отъ Елипта воззвахъ Сына Моего* (Матѣ. 2, 15); *яко Назорей на-*

Твореніа блаженнаго Іеронима.

речется (Матв. 2, 23); *воззрѣвъ на нѣ, Его же пробо-
доша* (Іоанн. 19, 37) и изъ апостола: *иже око не видѣ
и ухо не слыши, и на сердце челоуку не въздоша,
иже уготови Бога любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9) и дру-
гія подобныя мѣста находятся въ книгахъ еврейскихъ. Апо-
столъ и евангелисты конечно знали переводъ Семидесяти
толковниковъ. Откуда же они могли заимствовать то, что
нѣтъ у Семидесяти? И Христосъ, Господь нашъ, Творецъ
обоихъ завѣтовъ, говоритъ: *въруй въ Мя, якоже рече
Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды жизни*
(Іоанн. 7, 38). Несомнѣнно написано то, о чемъ, какъ о
написанномъ, свидѣтельствуетъ Спаситель. Гдѣ же написано?
У Семидесяти нѣтъ, апокрифовъ церковь не знаетъ. Слѣдо-
вательно пушно обратиться къ евреямъ, откуда и Господь
говоритъ, и ученики Его приводятъ свидѣтельства. Не про-
тивъ древнихъ говорю это, а только отвѣчаю своимъ пори-
цателямъ, которые собачьимъ зубомъ грызутъ меня, пуб-
лично порицая, а по угламъ читая, будучи вмѣстѣ и обви-
нителями, и защитниками, такъ какъ въ другихъ они одо-
бряютъ то, что порицаютъ во мнѣ, какъ будто бы добродѣ-
тель и порокъ состоятъ не въ самыхъ дѣлахъ, а взаимно
измѣняются, смотря по виновнику. Впрочемъ напоминаю,
что пѣкогда я далъ нашимъ изданіе Семидесяти, исправлен-
ное съ греческаго, и что я не долженъ считаться врагомъ
тѣхъ, которыхъ постоянно объясняю въ собраніи братій.
Если же и теперь перевелъ Dabre Iamim, то есть Слова
Дней, то это я сдѣлалъ для того, чтобы то, что представ-
ляетъ непреодолимыя затрудненія, массу именъ, перепутанныхъ
по ошибкамъ переписчиковъ, и неясность въ мысляхъ, изложить
съ болѣею ясностію и съ раздѣленіемъ стиховъ,—подобно
Именію поя для себя и своихъ, если уши другихъ глухи»¹⁾.

¹⁾ Указаніе на слова: *mihi sane et musis* (поп для меня и
для муз), сказанныя пѣвцомъ Антипендомъ своему ученику Ис-

29. Подобное я высказалъ также въ предисловіи къ книгѣ Ездры и послѣ многаго прибавилъ слѣдующее: «Весьма справедливо внести то, что я намѣренъ внести. Я издалъ нѣчто чего нѣтъ въ греческомъ или стоитъ иначе, чѣмъ въ моемъ переводѣ. Зачѣмъ же бранять переводчика? Пусть спросятъ евреевъ и на основаніи ихъ показаній доверятъ или не доверятъ моему переводу. Затѣмъ уже другое дѣло, если, какъ говорится, съ закрытыми глазами хотять здословить меня и не подражаютъ усердію и добродушію расположенію грековъ, которые послѣ Семидесяти толковниковъ, уже при свѣтѣ Евангелія Христова, усердно читаютъ іудеевъ и египетскихъ переводчиковъ Ветхаго Завета, то есть Акилу, Симмаха и Θεοδοτίωνα, и чрезъ трудъ Оригена ἐν ἑξήκδοις (въ экзаклахъ) передали ихъ переводамъ. Насколько же болѣе должны быть благодарны мои латиняне видя, что гордая Греція замѣстуетъ нѣчто у нихъ! Ибо прежде всего дорого и весьма трудно имѣть всѣ списки. Да притомъ и тѣ, которые будутъ имѣть ихъ, при непониманіи еврейскаго языка, скорѣе будутъ блуждать не зная, кто изъ многихъ сказалъ вѣриѣе. Это случилось недавно у грековъ даже съ однимъ очень умнымъ человекомъ ¹⁾, который иногда, оставляя смыслъ Писанія, слѣдовалъ заблужденію какого нибудь переводчика. Я же, владѣющій хоть небольшимъ знаніемъ еврейскаго языка и знакомый сколько нибудь и съ латинскою рѣчью, лучше могу и о другихъ судить, и изложить на своемъ языкѣ то, что самъ понимаю».

менію, когда послѣдній не встрѣтилъ въ народѣ одобренія за свое пѣніе.

¹⁾ Съ Аполлинаріемъ Лаодикійскимъ, на котораго Іеронимъ дѣлаетъ краткое указаніе въ 35 главѣ этой книги.

30. Перейду къ книгѣ Іова. Послѣ изданія Семидесяти толковниковъ, которое Оригенъ разбѣлтилъ обелами и астерисками, она за очень много лѣтъ назадъ была переведена на латинскій. Когда я снова переводилъ ее по самому еврейскому подлиннику, я высказался такъ: «Я вынужденъ при каждой книгѣ божественнаго Писанія отвѣчать на злословія противниковъ, которые обвиняютъ переводъ мой какъ униженіе Семидесяти толковниковъ; какъ будто бы и у грековъ не переводили Акила, Симмахъ и Θεодотіонъ или слово въ слово, или слѣдуя лишь за смысломъ, или способомъ перевода смѣшаннымъ изъ того и другаго и среднимъ между ними, и какъ будто Оригенъ не разбѣлтилъ всѣ книги Вѣтнаго Завета обелами и астерисками,—обозначенныя которыми прибавки или заимствованія изъ Θεодотіона онъ внесъ въ древній переводъ, доказывая, что не было того, что прибавлено. Такъ пусть же мои порицатели или въ цѣломъ примутъ то, что они прилипили по частямъ, или соскоблятъ мой переводъ вмѣстѣ съ своими астерисками. Да и быть вѣдь не можетъ, чтобы они не сознались, что тѣмъ, которые, очевидно, многое опустили, были допущены также нѣкоторыя ошибки, въ особенности въ книгѣ Іова, въ которой весьма большая часть будетъ отсѣчена, если выпустить то, что прибавлено подъ астерисками. И это только у грековъ. А у латинянъ до того перевода, который я недавно издалъ съ астерисками и обелами, недоставало около семисотъ или осьмисотъ стиховъ, такъ что урѣзанная, истерзанная и обглоданная книга представлялась безобразною для публично читавшихъ ее». И послѣ многато, что для краткости опускаю, я присоединилъ въ концѣ слѣдующее: «Поэтому пусть слышать немъ мои, что я трудился надъ этою книгою не для того, чтобы унижать древній переводъ, а для того, чтобы что въ немъ темно, или опущено, или искажено по ошибкамъ переписчиковъ, то посредствомъ моего перевода слѣ-

жалось болѣе яснымъ, такъ какъ я и еврейскій языкъ отчасти изучилъ и въ латинскомъ почти отъ бодибели пона-терся среди грамматиковъ, риторовъ и философовъ. Ибо ес-ли у грековъ послѣ изданія Семидесяти, уже при свѣтѣ евангелія Христова, приняты іудей Акила и іудействующіе еретики Симмахъ и Θεодотіонъ, которые хотя многія тайны Спасителя прикрыли лукавымъ толкованіемъ, однакожъ въ экзеплахъ имѣются у церкви и объясняются церковными мужами; то насколько болѣе безгласными ли или злонамѣ-ренными читателями не долженъ порицаться я, христіанинъ, рожденный отъ христіанскихъ родителей, посвящій знаменіе креста на челѣ своемъ, я, все усилія котораго направлены были къ тому, чтобы оупущенное дополнить, испорченное ис-править, и тайны церкви изложить чистымъ и точнымъ язы-комъ».

31. Также и Псалтирь, которую моими трудами весь-ма точно исправленную по Семидесяти толковникамъ недавно принялъ Римъ, переводя снова по еврейскому подлиннику, я оградилъ предисловіемъ, и такъ сказалъ въ прологѣ: «Такъ какъ ты ¹⁾ недавно, препираясь съ евреямъ, приводилъ нѣ-которые свидѣтельства о Господѣ Спасителѣ изъ псалмовъ, а онъ, желая посмѣяться надъ тобою, почти на каждое сло-во говорилъ: не такъ стоитъ въ еврейскомъ, какъ ты воз-ражалъ ему по Семидесяти толковникамъ, то ты весьма усерд-но просилъ, чтобы послѣ Акилы, Симмаха и Θεодотіона я составилъ новый переводъ на латинскомъ языкѣ. Ты гово-рилъ, что ты особенно смущаешься разностями у перевод-чиковъ и что по любви ко мнѣ ты удовлетворишься бы и переводомъ и сужденіемъ моимъ. Поэтому, побуждаемый то-

¹⁾ То есть Софроній, который переводилъ творенія блаж. Іеронима на греческій языкъ.

бою, которому я не долженъ отказывать и въ невозможномъ для меня, я опять предалъ себя на ругательства своимъ порицателямъ и желалъ только, чтобы недостатки ты болѣе относилъ къ моимъ силамъ, чѣмъ къ доброму расположенію въ дружбѣ. Конечно, я смѣю могу сказать и сослаться въ этомъ трудѣ на многихъ свидѣтелей, что я, по крайней мѣрѣ сознательно, ничего не измѣнилъ изъ еврейскаго подлинника. Такимъ образомъ если мое изданіе по мѣстамъ отличается отъ старыхъ, то спроси кого угодно изъ евреевъ, и ты ясно увидишь, что меня напрасно терзаютъ ревнители, которые предпочитаютъ казаться презирающими прекрасное, чѣмъ учиться. Весьма странные люди: постоянно ищутъ они новыхъ удовольствій, для глотки ихъ недостаточно близъ лежащихъ морей: почему же въ одномъ только изученіи Писаній они удовлетворяются старыми блюдами? Говорю это не въ упрекъ своимъ предшественникамъ, безъ мысли порицать у нихъ что-нибудь, у нихъ, переводъ которыхъ, весьма тщательно исправленный, я далъ нѣкогда людямъ моего языка; но говорю въ томъ смыслѣ, что иное дѣлю читать цѣлмы въ собраніяхъ вѣрующихъ во Христа, и иное отвѣчать іудеямъ, возражающимъ на каждое слово».

32. Также переводъ съ еврейскаго книги Соломона, переведенный мною нѣкогда на латинскій языкъ по Семидесяти съ присоединеніемъ обеловъ и астерисковъ, и посвящая ихъ свитымъ епископамъ Хромацію и Иліодору, я въ концѣ своего предисловія присоединилъ слѣдующее: «Если кому болѣе правится изданіе Семидесяти толковниковъ, то тотъ имѣетъ это въ нѣкогда исправленномъ мною видѣ. Ибо я не такъ создаю новое, чтобы разрушать старое».

33. Перейду и къ Исаіи и приведу часть пролога къ нему о переводѣ Семидесяти. Сказавши что онъ болѣе евангелистъ, чѣмъ пророкъ, потому что всѣ тайны церкви Хри-

стовой онъ такъ ясно прослѣдилъ, что можно подумать, что онъ не о будущемъ пророчествуетъ, а исторію прошедшаго излагаетъ, я прибавилъ также слѣдующее: «Отсюда я догадываюсь, что Семидесяти толковниковъ не хотѣли въ то время ясно передавать тайны своей вѣры язычникамъ, чтобы не давать святыни псамъ и жемчуга свиньямъ. При чтеніи этого изданія вы замѣтите эти сокрытыя ими тайны. Знаю я, какъ трудно уразумѣвать пророковъ и что не легко думать о переводѣ, наперекъ не уразумѣвши прочитаннаго. Знаю, что и я подлѣжу нападеніямъ со стороны весьма многихъ, которые, скрывая зависть, презираютъ то, чего сами не могутъ исполнить. Итакъ зная и понимая это, я владу руку въ огонь. Но тѣмъ не менѣе прошу и своихъ брзгливыхъ читателей, чтобы какъ греки послѣ Семидесяти толковниковъ читаютъ Акилу, Симмаха и Θεοδοтіона или по своей любознательности, или для того, чтобы изъ сличенія ихъ лучше понимать переводъ Семидесяти,—такъ пусть и они удостоятъ принять и мой переводъ, по крайней мѣрѣ какъ послѣдній между прежними. Пусть сначала прочтутъ, а затѣмъ бранять, чтобы не казалось, что они не на основаніи критики, а по предубѣжденію ненависти осуждаютъ то, чего не знаютъ.

34. А относительно Даниїла кратко отвѣчу, что я въ началѣ пролога назвавши его пророкомъ, не отрицалъ его пророческаго значенія, а хотѣлъ указать, что говорятъ евреи и какими доказательствами силится подтвердить свое мнѣніе, и сообщить читателю, что церкви Христовы читаютъ этого пророка по Θεοδοтіону, а не по Семидесяти толковникамъ. Если я сказалъ, что въ этой книгѣ изданіе ихъ во многомъ уклоняется отъ подлинника и справедливо не одобряется судомъ церкви Христовыхъ, то виновать въ этомъ не я, который сказалъ это, а тѣ, которые читаютъ. Есть четыре изданія: Акилы, Симмаха, Семидесяти и Θεοδοтіона;

церкви читають Даниїла по Θεодотіону. Въ чемъ же я погрѣшилъ, если послѣдовалъ суду церковей? А кто обвиняетъ меня за то, что я сообщаю то, что обыкновенно говорятъ евреи противъ исторіи Сусанны, пѣсни трехъ отроковъ, сказаній о Вилѣ и драконѣ, чего нѣтъ въ еврейскомъ, тотъ заискиваетъ себя глупымъ клеветникомъ. Ибо я изложилъ не то что самъ я думаю, а что они обыкновенно говорятъ противъ насъ. И если, стараюсь о краткости, чтобы не показалося, что я пишу не предисловіе, а книгу, я въ продолженіе не отвѣтилъ на ихъ мнѣніе, то, думаю, отосорилъ его, ибо я сказалъ: «теперь не время разсуждать объ этомъ». Въ противномъ случаѣ и въ того, что я сказалъ, что Порфирій многое говоритъ противъ этого пророка, и сослался на Меѳодія, Евсевія и Аноллинарія, какъ на свидѣтелей этого, которые многими тысячами стиховъ отвѣчали на его безразсудство, — и изъ этого можно было бы обвинять меня за то, что въ краткомъ предисловіи я не писалъ противъ книги Порфирія. Кто слѣдуетъ несправедливостямъ подобнаго рода и не хочетъ принимать подлиннаго еврейскаго писанія, тотъ пусть слышитъ, что я прямо заявляю: Никого не принуждаю и читать чего не хочетъ. Я писалъ для просящихъ, а не для гнушающихся, для благодарныхъ, я не для завистливыхъ, для усердныхъ, я не для нерадивыхъ. Тѣмъ не менѣе и удивляюсь, какимъ образомъ онъ читаетъ еретика и іудействующаго Θεодотіона, и гнушается переводомъ какого бы то ни было грѣшника, но христіанина.

35. Прошу тебя любезный другъ, тебя который настолько любознателенъ, что знаешь даже мои сны и привлекаешь къ обвиненію все что во столько лѣтъ я написалъ безъ всякаго опасенія за будущія обвиненія, прошу тебя отвѣтить, какимъ образомъ ты не знаешь предисловій тѣхъ книгъ, которыя обвиняешь, предисловій, которыя какъ бы по предвѣдѣнію отвѣчали на будущее обвиненіе, но после

вицѣ: «противуядіе прежде ядѣ». Какой вредъ отъ моего перевода для церкви? Дорого, какъ и знаю, ты заплатилъ за Акилу, Симмаха и Θεοδοтіона и іудейскихъ переводчиковъ пятого и шестаго изданія. Твой Оригенъ и (чтобы ты не сталъ жаловаться, что ты уязвленъ притворною похвалою) нашъ Оригенъ (и называю его нашимъ за его ученость, а не за истину его мнѣній) во всѣхъ своихъ книгахъ послѣ Семидесяти толковниковъ толкуетъ и объясняетъ переводы іудейскіе. Тоже дѣлаютъ и Евсевій и Дидимъ. Не говорю объ Аполлинаріѣ, который хотя съ добрыхъ усердіемъ, но не по разуму, старался лоскуты изъ всѣхъ переводовъ сшить въ одну одежду и смыслъ Писанія установить не по нормѣ подлинника, а по своему уму. Мужи апостольскіе пользуются еврейскими Писаніями, и что сами апостолы и евангелисты дѣлали тоже. — очевидно. Господь и Спаситель, вслѣдъ, гдѣ только упоминаетъ о ветхозавѣтныхъ Писаніи, приводитъ свидѣтельства по еврейскимъ книгамъ, какъ на примѣръ: *въручай въ Мя, якоже рече Писаніе, рыки отъ чрева его истекуть воды жизни* (Іоанн. 7, 38) и на крестѣ: *Eli. Eli, lama azabathani*, что переводится: *Боже Мой, Боже Мой, аскую Мя еси оставилъ* (Матѣ. 27, 46) а не такъ какъ поставлено Семидесятью: *Боже, Боже Мой, возри на Мени, аскую оставилъ Мя еси* (Псал. 21, 1) и многое подобное этому. Это мы говоримъ не въ смыслъ порицанія Семидесяти толковниковъ, а въ томъ смыслѣ, что авторитетъ апостоловъ и Христа выше, что вслѣдъ, гдѣ Семидесять не разногласятъ съ еврейскимъ, тамъ апостолы приводятъ свидѣтельства по ихъ переводу, а гдѣ между ними есть разногласіе, тамъ они на греческомъ ставятъ то, что читали на еврейскомъ. Итакъ, подобно тому какъ я указываю на многія свидѣтельства приведенныя въ Новомъ Завѣтѣ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, свидѣтельства, которыхъ нѣтъ у Семидесяти, и доказываю, что это есть въ еврей-

Творенія блаженнаго Іеронима.

свомъ, такъ пусть и обвинитель укажетъ что либо приведенное въ Новомъ Заветѣ по Семидесяти толковникамъ, что не было бы въ еврейскомъ: тогда споръ будетъ оконченъ.

36. Изъ всего этого видно, что и изданіе Семидесяти толковниковъ, утвержденное давностію чтенія, полезно для церкви, потому что народы прежде пришествія Христа слышать о Немъ, какъ о имѣющемъ придти, но что и прочіе переводчики не должны быть отвергаемы, потому что они перевели не свои, а божественныя книги, и пріятель мой долженъ принять отъ христіанина и друга то, что онъ послѣшилъ съ большими затратами списать у іудеевъ. Я выступилъ изъ предѣловъ писемъ и, уже направивши стиль противъ нечестивой ереси ¹⁾, былъ принужденъ отвѣчать въ защиту себя, ожидая трехъ книгъ друга и всѣ мысли сосредоточивши на массѣ его обвиненій; потому что легче принимать мѣры противъ явнаго врага, нежели терпѣть непріятеля, скрывающагося подъ именемъ друга.

— — — — —

¹⁾ Оригена.